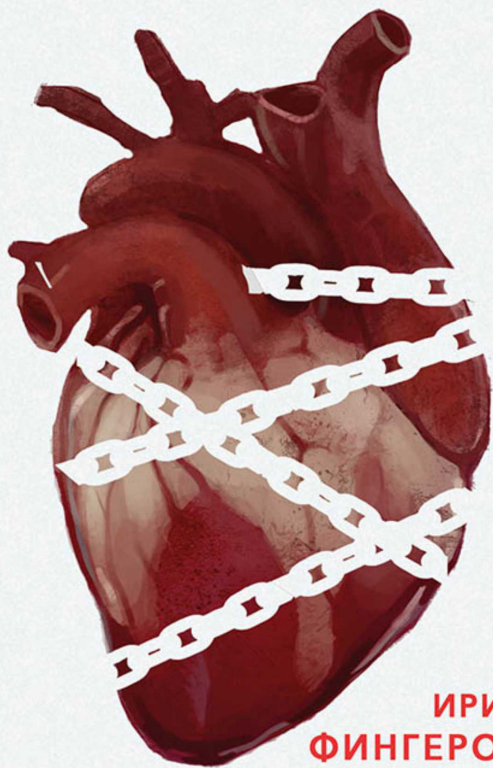

У Е Р Н О Е З Е Р К А Л О

ИРИНА
ФИНГЕРОВА

З А М К И

CF FOLIO

Ирина Леонидовна Фингерова

Замки

Серия «Черное зеркало»

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48650491
Замки: Фолио; Харьков; 2019*

Аннотация

Таня живет в маленьком городе в Николаевской области. Дома неуютно, несмотря на любимых питомцев – тараканов, старые обиды и сумасшедшую кошку. В гостиной висят снимки папиной печени. На кухне плачет некрасивая женщина – ее мать. Таня – канатоходец, балансирует между оливье с вареной колбасой и готическими соборами викторианской Англии. Она снимает сериал о собственной жизни и тщательно подбирает декорации. На аниме-фестивале Таня знакомится с Морганом. Впервые жить ей становится интереснее, чем мечтать. Они оба пишут фанфики и однажды создают свою ролевую игру. Действие ее происходит в средневековой Франции, где всюду свирепствует лепра. Прокаженных отправляют в вечное плавание на корабле дураков...

Вечеринка для аутсайдеров начинается. Реальность и вымысел переплетаются, уже и не отличить правильные решения от

случайных, поезд несется на бешеной скорости... Осмелится ли Таня соскочить?

Содержание

Осенний сонет	7
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ирина Фингерова

Замки

© И. Л. Фингерова, 2019

© Е. М. Голубовский, предисловие, 2019

© А. Ю. Егошина, иллюстрация, 2019

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2019

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

* * *

Вам до сих пор кажется, что «Страдания юного Вертера» господина Гёте объясняют, что происходит с молодыми людьми в период полового созревания?

Прочтите «Страдания юной Тани», как мог бы называться новый роман Ирины Фингеровой, очень точно осознавшей крик Маяковского: «Я знаю, что гвоздь у меня в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гёте».

Этот гвоздь в сапоге и стал главным героем нового романа молодой писательницы.

И не важно, что это за гвоздь. Сегодня – прыщик на носу, завтра волосы под мышками, послезавтра трусы с зайчиками...

Разве все это не повод страдать, мучиться от неразделенной любви, от одиночества в семье, от странных взаимоотно-

ношений с друзьями?..

У Гёте любовь или нелюбовь между Вертером и Лоттой.

У Фингеровой путаница чувств между Таней и Морганом, и Владиславом, и...

В обыденной жизни они все помешаны на старом культовом кино – от «Заводного апельсина» до «Мемуаров гейши», на музыке любимых групп, фотографиях, где можно даже выползти из скорлупы одежды.

Но есть другая жизнь – придуманная, форум, где живут созданные ими персонажи, легкие, свободные, незакомплексованные.

Как не повезло юному Вертеру, что в его время не было социальных сетей! Бедняге пришлось кончить самоубийством.

Как повезло юной Тане, что весь свой романтизм («я уверена, что в этих маленьких лампочках, особенно зеленых, живут феи и создают новогоднее волшебство»), как и весь свой детский цинизм («мама ищет паршивые новости, чтоб они подходили под запах селедки») она может сбросить, уходя в виртуальный мир.

У вас в руках второй роман молодого прозаика. Прошел год после выхода первого – «Плацебо».

Это серьезная, хорошая работа. Исследование души нашего юного современника.

Читаем и ждем третий роман.

Евгений Голубовский

Осенний сонет

*«Если бы этого не произошло – я бы все равно
это придумала».*

*Читаю я в глазах, прозрачных, как хрусталь:
«Скажи мне, странный друг, чем я тебя пленила?»
– Бесхитростность зверька – последнее, что мило.
Когда на страсть и ум нам тратит сердце жаль.*

*Будь нежной и молчи, проклятую скрижалю
Зловещих тайн моих душа похоронила,
Чтоб ты не знала их, чтоб все спокойно было,
Как песня рук твоих, покоящих печаль.*

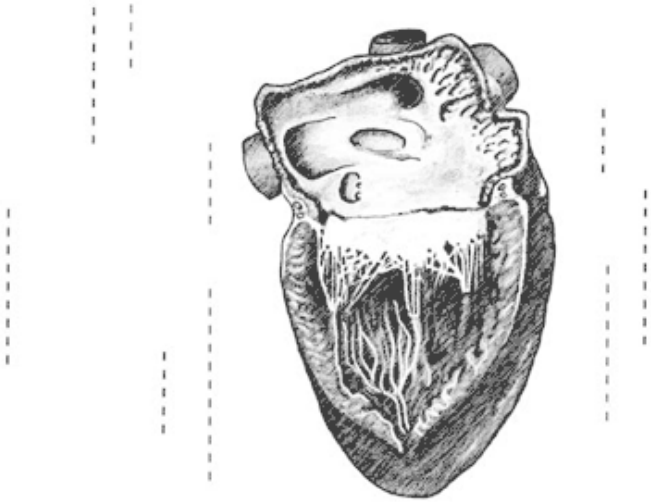
*Пусть Эрос, мрачный бог, и роковая сила
Убийственных безумств грозят из-за угла –
Попробуем любить, не потревожив зла...*

*Спи, Маргарита, спи, уж осень наступила,
Спи, маргаритки цвет, прохладна и бела...
Ты, так же, как и я, – осеннее светило.*

Charles Baudelaire¹

¹ Перевод А. Эфрона.

Глава 1

В ванной томился противень. Жир застывал, сливался с зеленоватым моющим средством и превращался в желе. Я писала, смотрела на свои выцветшие трусы и думала о том, правда ли это, что если съесть грифель от карандаша, поднимется температура? И вообще, какого цвета карандаш? Как описать этот цвет? Не серый, но серый.

Мама всегда покупала несимпатичные трусы. С какими-то уродливыми зайчиками или бабочками. Полянка для сказочных существ у меня между ног. Веселые трусы в мире, где взрослые предпочитают скуку. Вроде мелочь, а важное

звено в цепи событий. В общественных раздевалках я привыкла стягивать колготы под юбкой и, не снимая её, надевать спортивные штаны. Мои трусы оставались тайной даже для подруг.

А подруг и не было.

Противень продолжал отмокать в химической жиже.

Гости только разошлись. Родители пошли провожать. Праздновали день рождения отца. Шестьдесят пять. Нужно стерилизовать людей после пятидесяти. С точки зрения подростка – это будет более гуманно.

Пришел Валера, они работают с отцом механиками на СТО. Принес две бутылки водки и зеленый чепчик. Праздничный. Это Карина придумала – его жена, профессиональная гадалка. Александра Степаныча позвали тоже. Соседа-географа. На стол накрыли так, чтоб перед людьми стыдно не было. Мама взяла из денег на зубы. Зубы подождут, свиные отбивные важнее.

После третьей рюмки щеки у отца покраснелись, а шея вспотела, и я заметила, что у него появилось несколько новых бородавок. Он пытался выжечь их уксусом, потом перешел на чистотел, но бородавки оказались хитрей.

Мама пнула ногой под столом. Нужно говорить тост. Почему-то мои губы расплылись в дурацкой улыбке. Нельзя улыбаться! В переднем зубе застряла кинза! Как же я ненавижу тосты, анекдоты и разговоры о повышении цен на газ.

– Вдохновения, папа, – пробормотала я и чокнулась с

Александром Степановичем, тем самым подавая сигнал: пьем!

Уткнулась в тарелку, где соседствовала селедка, телячий язык и брынза. Всё это плавало в розоватом свекольном соке.

Карина хихикнула и схватила меня за руку.

– Хо-хо! – присвистнула она. – Да ты влюблена, и любовь это такая, – Карина кокетливо повела ярко-синими бровями, – что нам даже и не снилась...

– Это у меня на руке написано? – скептически поинтересовалась я, пытаюсь вырвать руку, но её тут же перехватила мама с криками: «Покажи-покажи!»

– Нет, – Карина глотнула шампанского. – Это твой прелестный прыщик на носу тебя выдал, – и снова залилась истошным смехом.

– Дура, что ль, – беззлобно упрекнул жену Валерка, глядя на мое растерянное лицо. – Кто с дитем про прыщи шутит...

– Все в порядке, – пробубнила я и наколола на вилку дохлую оливку. Есть не стала.

Семейные застолья похожи на снежную сказку внутри глицеринового шарика. Встряхнешь какой-нибудь заготовленной шуткой – всё придет в движение, зарядит снегопад. Отсмеются. Снова вернется на круги своя. И стоит этот шарик на самом видном месте, все время задеваешь его локтем и боишься, что он упадет, разобьется... Что тогда будет?

Я показала язык отражению в зеркале и включила холодную воду. Умылась.

Зашла в свою комнату.

Никого нет дома. Одно из самых приятных ощущений в моем небольшом ларце приятных ощущений. Первым делом включила ноут. Экран приветственно засиял.

После очередного дня, проведенного не там, где хотелось бы, и занимаясь не тем, чем хотелось бы, *Вайя* наконец вернулась домой.

Заоконье темнело, теряясь в холодном январском воздухе. Смутно блестел сигаретный ларек, отделенный от дома покосившейся мусоркой и горбатой дорогой, по которой изредка переваливались соседские «девятки». Голые деревья содрогались от ветра. Я мысленно поежилась. Проветривать не стала. Все равно воздуха не хватит. Как хорошо, что дома – никого! Прелесть проходных комнат (а моя комната была именно такой) в том, что единственный способ побыть наедине с собой – притвориться спящей.

Я включила альбом «Haggard» и начала свой каждодневный ритуал.

На столе, заваленном потрепанными книгами, исписанными тетрадями в клеточку и погрызенными карандашами, проживал мой личный алтарь. Он представлял собой несколько крайне важных вещей: вечный календарь – металлический квадрат с солнцем посередине, от которого радиально расходились дни и месяцы, прищипленные гвоздиком. Перед встречей с Морганом я всегда переставляла гвоздик, это значило, что новый день наконец-то начался. А главное,

кончился старый.

Самодельная коробка сладостей «Bertie Bott's»², точно такая же, как в Гарри Поттере. Блокнот, выполненный под «Тардис»³. Ожерелье из медвежьих клыков, как у Йо Асакура из аниме Шаман Кинг.

Два высоких подсвечника, один венчается солнцем, другой – полумесяцем.

Под «Haggard» – «Hijo De La Luna» я достала из ящичка стола две длинные оранжевые свечи, спички и вытянула из своей шкатулки ароматов шафрановую палочку. Ароматические палочки я классифицировала и подписывала. Запахи – моя слабость.

Уже играл припев, когда я чиркнула спичками, рассекла полумрак, зажгла свечи и, чуть отойдя от стола, стала кружиться, насколько это позволяло пространство.

Вот она, настоящая жизнь! А все, что вне – дохлая оливка! Почему я оказалась именно в этой реальности? Я как будто бы не создана для нее. Меня зовут Вайя, а не Таня...

Уселась за стол.

«Я должна учиться получать удовольствие от времяпровождения с собой. Так говорит Морган. Я почитаю немного. И только после этого зайду на форум».

² Одни из самых популярных сладостей во вселенной Гарри Поттера. Диапазон их вкуса чрезвычайно разнообразен.

³ Машина времени и космический корабль из британского сериала «Доктор Кто». Выглядит как синяя полицейская будка.

Сердце стало биться чаще. Пульсировать в груди. В такие моменты мне казалось, что я могу умереть. Иногда я представляла свои похороны. В белом платье, с лилиями в волосах. Мама закинется диазепамом, папа – водкой, никого не будут волновать мои дурацкие трусы. Черный лак на ногтях слезет полосками. Как земля. Морган придет. Одноклассники соберутся. Кто-то захихикает от неловкости. Географ скажет речь.

«Она умерла молодой...»

Карина добавит: «...и у нее была любовь, которая вам и не снилась».

Нет. Нет. Нет.

Когда картина становилась уж слишком правдоподобной, я вспоминала о том, что мысль вообще-то материальна, и сразу представляла себя древней старушкой с оравой внуков под боком. Сразу представляла себе веник, которым сметаю глупые мысли прочь, а они визжат и позорно разлетаются в разные стороны. Ненавижу эти навязчивые мысли о смерти. Иногда я думаю о том, как умирает кто-то из моих знакомых, а я утираю слезы и рассказываю Моргану о том, что он не знает, что такое потерять друга. Но самое паршивое – это чужие дети в парке. Я люблю детей, но почему-то в голове сразу появляются странные мысли. Например, я вижу как щеки ребенка раздуваются, и он лопается, как шарик, или вылетает из качели, пока делает «солнышко», а я пытаюсь героически его спасти, но уже поздно...

«Ладно, к черту!» – я сдалась и зашла на почту. Как долго грузится! Мы с Морганом договорились отправлять друг другу письма. Никаких мессенджеров и тупых картинок. Только по существу. Говорить, если есть о чем сказать.

– Надоел фастфуд, – сказал он, – на пленку можно сделать только 36 кадров. Хорошо бы и со словами так.

Кто-то позвонил в дверь.

– Где папа?

Мама пожала плечами и присела на табуретку в коридоре.

– С Валерой, – махнула рукой, – не человек, – вздохнула, – не человек.

– Чаю?

– Спасибо, Танюш.

После долгой возни она наконец сняла ботинки и прошла в комнату.

Я зажгла конфорку Моргнула. Черт, не та конфорка. Кухонное полотенце задымилось. Переставила чайник. На всякий случай проверила, есть ли там вода. Когда что-то резко выдергивает из мыслей, наступает странное оцепенение. Как будто я смотрю на себя со стороны, и руки не мои, и шея не моя, а лицо (и это нелепое выражение) – точное не мое! Это оцепенение всего-то нужно стряхнуть с себя – как пыль выбивают из ковров. Одно маленькое волевое усилие – помотать головой, начать разговор с мамой, пожевать, зевнуть хорошенько – и мысли перестанут вдавливать в пол.

Достала лимон из холодильника, отрезала кусочек и ки-

нула в чашку. Положила лимон обратно. Добавила три кубика сахара, помешала ложкой, снова достала лимон, собралась отрезать кусочек, посмотрела в чашку, уже есть. Все так сонно, медленно, но суетливо.

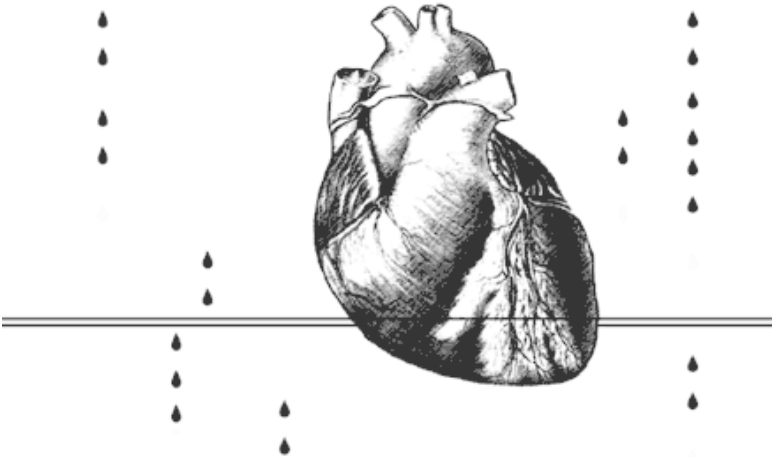
Скорей бы к Моргану!

– Мам, чай на кухне. Я к себе. Уроки.

– Ты моя хорошая.

Вернулась в комнату. А кипятком залила?

Глава 2

Мы с Морганом познакомились в ноябре.

Школу закрыли на карантин. Не могу сказать, что я обрадовалась неожиданным каникулам. Дома у меня неуютно. Родители все время рядом – мама шьет на заказ, а папа – солит помидоры. Когда помидоры заканчиваются – он делает ремонт. Когда нечего чинить – он выходит из себя и что-то ломает.

Мама его не любит, но квартира – бабушкина по папиной линии, на него записана. Деваться некуда. Есть ещё дача, можно было бы её продать, съехать... Но вместо этого мама

сидит в окружении снимков папиной печени и шьет. Мама повесила их в гостиной, чтоб «стыдно было».

Не сработало.

Весь месяц мама шила пальто для своей постоянной клиентки Аллочка. Требование было одно: эксклюзив! Дизайн Аллочка собственноручно перерисовала с картинки. Кадр из «Секса в большом городе». Саманта в центре Манхэттена. Аллочка ничем не хуже.

Мерки приходила снимать каждые три дня, поскольку она плотно сидела на новой диете. Между поеданием булок с изюмом пила чаек с ягодами годжи.

По дороге Аллочка всегда заходила в «Сильпо». Неимоверно шуршала пакетами, доставала ананас или манго, что-то к чаю. Мы никогда не знали, как надо есть то, что она приносит. Но гвоздем программы был чек. Аллочка зажимала его в своих зеленых шеллаковых ногтях, прищуривалась и читала. Голос у неё был громкий, привыкший раздавать указы. Аллочка работала замдиректора на молочном заводе. Мама обычно говорила о ней: «сильная женщина». Сразу за стоимостью продуктов (мама всегда умудрялась её разглядеть и возмутиться: «Зачем же так дорого! С пряниками бы чаю выпили!») следовало предсказание. Судя по прогнозам, Аллочка давно уже должна была влюбиться, обнаружить предателя среди своих, получить неожиданное наследство и отправиться в путешествие! Она ждала, пила мерзкий чай с ягодами годжи и морочила моей маме голову. Мне она ино-

гда приносила обувь. Бывало, по размеру не подошла, а выкидывать жалко. Вначале пыталась перепродать нам, но потом просто молча оставляла в углу. Несмотря на исполинский размер груди, у Алочки была тонкая талия и 36 размер ноги. Как и у меня. Но я бы скорее вышла из дому в тапках, чем в золотистых мокасинах Алочки.

Безвкусицы в моей жизни было и так слишком много.

В нашей семье принято всё валить в кучу. Смешивать цвета, ингредиенты, старые обиды с новыми. Получалась каша. Несъедобная, даже если голоден.

Каждый раз, когда мы ставили елку, папа устраивал скандал, потому что по всему дому иголки, мы не выкинем её аж до марта, и вообще это языческий обычай. Каждый раз я тратила три часа на то, чтоб её украсить, чтоб все игрушки подходили по цветовой гамме и висели на одинаковом расстоянии, а потом добавляла немного беспорядка с помощью лампочек. Я уверена, что в этих маленьких лампочках, особенно зеленых, живут феи и создают новогоднее волшебство. Каждый раз, когда я шла заправлять салат (полбанки майонеза как лавина снега на маленький аккуратный городок с домиками из горошка, морковки и картошки), мама доставала из шкафа оставшиеся игрушки и развешивала их в произвольном порядке!

Мы никогда ничего не выбрасываем. Одна из трех комнат забита хламом, и у нас никогда нет времени его перебрать. Иногда мама продает книги знакомому старьевщику. Мама

думает, что бывает слишком много книг.

«Вот эти часы с отколотым боком достались от бабушки, а этот снеговик с дыркой вместо носа кочует из поколения в поколение...»

Мама достает из шкафа уродливый малиновый дождик, оборванный по краям. Украшает елку.

Говорит: «Как в лучших домах Лондона и Парижа».

Я плачу, пытаюсь сорвать дождик, забываю посолить воду, в которой варится рис для крабового салата, мама тоже плачет, кричит на меня, папа идёт работать таксистом.

Мы его не останавливаем, он не очень часто проявляет желание работать. Может, это и к лучшему. Машина и так при смерти. Можно было бы отремонтировать, но мои родители живут в мире краткосрочных перспектив. Мы из тех людей, которые покупают три пары дешевой обуви в сезон вместо одной качественной и всегда сметают акционные товары, даже если они нам не нужны.

Мы едим селедку вместе с куриными котлетами, бутербродами с сыром и сладким чаем. И все перепачкано этой селедкой, все пахнет этой селедкой! После еды мама читает газету. Она ищет плохие новости, чтоб они подходили под запах селедки, и сокрушается: «Вот ведь какое время сейчас!»

В гостиной у нас висит дешевая репродукция подсолнухов Ван Гога, рядом – календарь с котятами. Искусственные розы соседствуют с иконами, вышитыми бисером. Повсюду

ду раскиданы вязаные куклы-обереги. Год назад я убедила маму снять ковер со стены. Сказала, что у меня аллергия на пыль. Мама забеспокоилась, сняла. Выкидывать не стали. Жалко! Валяется вместе с остальным хламом. На диване ярко-красное покрывало (чтоб обивку не портить!) и несколько цветастых подушек. Мне кажется, мы их никогда не стирали. Стиральную машину купили несколько лет назад. До этого пользовались старой, советской. Из ностальгических соображений. Меня к ней не пускали – она билась током и вечно путала собственные режимы. Я все ещё не стираю сама. Вроде всего-то нужно закинуть вещи, засыпать порошок и нажать кнопку, но у меня до сих пор суеверный страх перед машинкой. За прошлую папа чуть меня не убил, когда я однажды пыталась постирать свои трусы. У меня пошли месячные. Это было так стыдно. Я понимала, что я не единственная на свете, с кем это происходит, но хотела сохранить в тайне. Деньги на прокладки взяла из своей записки. Но папа увидел, что я пытаюсь включить стиралку, и пошло-поехало. Надо было руками постирать. Но я почему-то не додумалась. В общем, я до сих пор складываю вещи в пакет и даю маме. Она забывает. Приходится напоминать. А штаны у меня всего одни, черные, нормальные, которые я без неё выбрала, без дурацких рисунков, причитаний, что я слишком худая, надо взять побольше. Я могла бы сама стирать, но не стираю и потом злюсь и на нее, и на себя.

Дома у меня неуютно.

Поэтому 17-го ноября, спустя две недели после начала незапланированных каникул, несмотря на то, что я адски боюсь новых людей, я записалась волонтером на фестиваль аниме. В нашем городке с населением в 40 тысяч не так уж часто что-то происходит. Особенно зимой. Я пришла в Дом культуры на полтора часа раньше. Унылые организаторы в черных робах и дешевых розовых париках раскладывали по столам печенье. Оказалось, что я – единственный волонтер. У входа в актовЫй зал, где и должно было происходить действие, до сих пор висели разноцветные бумажные буквы: «С Новым годом», в углу стоял флаг Украины, рядом с портретом Шевченко. Из маленькой колонки на столе доносились нечленораздельные звуки. Слов я разобрать не могла, хорошо слышала только барабаны и бас-гитару.

Я познакомилась с Владиславом – фотографом в цветочном кимоно, с двумя катанами за спиной и смешной гулькой. У него было гладкое детское лицо, большие голубые глаза и короткие пальцы с обкусанными ногтями. Он закончил курсы при заводе и сейчас работал сварщиком. Собирался скопить денег и поехать учиться фотографии в Чехию. Рассказал, что с чешским нужно держать ухо востро! Потому что «пóзор» – это у них внимание, а «овоче» – это фрукты. Я сказала, что мир полон парадоксов. Не улыбнулась. Я заметила, что отсутствие улыбки – как точка в конце короткого предложения. Эффектно. Владислав предложил меня пофотографировать. Из-за ключиц, и шеи, и моей некрасивой ро-

динки на уровне первого ребра.

– Возьми их с собой, поняла? – протянул свою визитку.

Я – единственная была без костюма. Черное платье, черные напульсники, облупленный лак, амулет с клыками, болтающийся на груди, рыжие волосы. Мама вчера покрасила смесью хны, свеклы и вина.

Универсальный персонаж.

Моя задача состояла в том, чтоб проводить опрос посетителей. Как они о нас узнали? Какое аниме смотрят? Пришло всего человек пятнадцать, не больше. Ведущий с кастрюлей на голове изображал цельнометаллического алхимика и говорил так медленно и вяло, будто в перерывах между словами отгонял от себя мух. Пока на сцене проводили конкурс костюмов, я помогала готовить пунш. Девушка, представившаяся Вельветой, в костюме медсестры, с густо накрашенными ресницами и пухлым веснушчатым лицом, заливала огромную кастрюлю яблочным соком и разбавляла шампанским. Я помешивала с серьезным видом, пробовала и добавляла щепотку корицы. Затем разливала по стаканам.

Не помню, кто победил. К тому моменту, как конкурс закончили, мое внимание было приковано к Моргану.

Высокий, худощавый, с синеватыми кругами под глазами, он сидел в последнем ряду со своей гитарой и что-то напевал под нос.

Меньше чем в полуметре от него отплясывала надоедливая колонка. Я не слышал, что он поет. Может быть, он сам

не слышал. Тогда я подошла к столу, взяла колонку в руки, провела пальцами по её вибрирующему нутру, по этой решетке, за которой томились звуки, и выключила. Я стояла к нему спиной и тишина застала меня врасплох. Когда я наконец осмелилась обернуться, зал снова наполнился звуками.

– Ты хотела услышать меня?

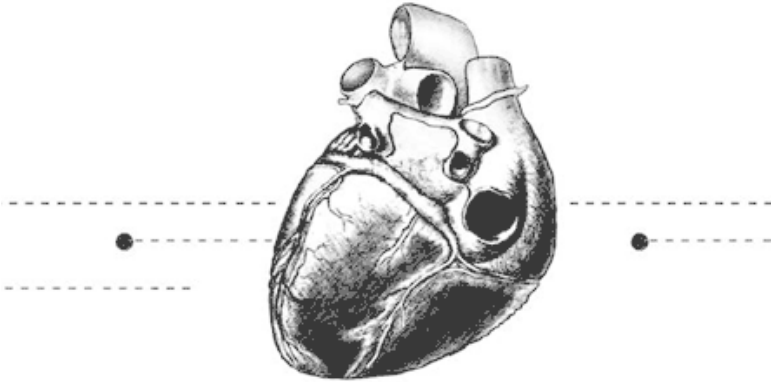
– Ага, – как неловко, боже, я начала оправдываться, – тут просто так скучно, знаешь...

– Так уходи.

– Я не это имела в виду...

– И я с тобой.

Глава 3

Наши встречи происходили сами по себе.

Я выходила из дома выбросить мусор и оказывалась запертой в одном из кабинетов музыкальной школы № 1, окна которой выходили на облысевший парк. Морган упражнялся на фортепиано, а я смотрела на него, а иногда в окно, и часто видела, как Егор Васильевич, живущий неподалеку, молится под дерево, и на белом снегу остаются желтоватые следы. Я все никак не могла понять: он не может дотерпеть до дома или хочет что-то этим сказать? Егор Васильевич – старьевщик, собирающий хлам по всему городу. Раз в месяц он

устроивал гаражную распродажу около своего покосившегося домика с могилкой на заднем дворе (там зарыта любимая им овчарка Сеня). Однажды я умудрилась купить за копейки работающую печатную машинку. Я пользовалась ей всего один раз, но для антуража поставила на письменный стол.

Моргану оставался ещё год в музыкальной школе, и он надеялся не возненавидеть музыку до тех пор.

Когда я шла в библиотеку, Морган появлялся из-за угла, не знаю, мы постоянно случайно сталкивались, как будто оказались внутри заколдованной петли, и пили кофе. Раньше я никогда не пила кофе. Мне казалось, это прерогатива взрослых. Пить горький напиток, когда в жизни и так много горечи. Морган не разрешал добавлять сахар. Я кривилась, но было холодно, и мне нравилось, как морозный воздух собирался в облачко пара и это облачко пахло кофе. У наших встреч был странный алгоритм: я удивлялась, кривилась от вкуса кофе, но пила, все время отдавала книги в картонном пакете, а новые не просила.

– Ты не хочешь брать при мне книги? – как-то спросил Морган.

Я пожалала плечами. Что бы я ни читала, мне казалось, что он это уже читал. Перерос. Мне не хотелось, чтоб он знал, что на моей тарелке селедка соседствует с куриными котлетами. Что я двенадцать раз прочитала «Гордость и предубеждение» и не меньше восьми «Джейн Эйр». А если я и знаю что-то о Гражданской войне в Америке, то только потому,

что Кларк Гейбл так хорошо сыграл Ретта Батлера в картине 1939 года. И год я запомнила тоже на всякий случай, чтоб сойти за интеллектуалку. Я все время пыталась вычитать, вычислить по корешкам, что за книги сдает он. Чтоб прочесть их потом. Но я бы умерла, если бы Морган об этом узнал.

В какой-то момент он починил читалку и перестал ходить в библиотеку.

Зима выдалась холодной, мы все время пили чай, по негласному договору, забыв о недавней любви к кофе. Морган носил фарфорового слоника в своем потертом от историй рюкзаке. И каждый раз, когда я шла за кипятком, приносила два стеклянных стакана и ставила их на стол, он вытряхивал из задницы слоника крупнолистовой чай, дотрагивался до одной из трещин на коже и рассказывал что-нибудь.

– Мой рюкзак – змея. Только кожа всё никак до конца не слезет.

– Уроборос, – я не улыбнулась.

– Ты... – Морган рассмеялся, – слишком серьезно воспринимаешь мои слова.

Я так растерялась, что с трудом могу вспомнить, о чем он рассказывал. О соседях, которые завели осла в своей квартире и ждут, пока распогодится? Собираются с помощью металлоискателя найти сокровища на берегу Южного Буга, а потом навьючить своего мула и убраться восвояси из этого мертвого города. О преподавателе физиологии в их меди-

динском колледже, который вышел из окна, чтоб обратить на себя внимание?

– Но там балкон, понимаешь?

Это я запомнила. Прыгать нужно только без страховки. Чтоб привлечь внимание.

Учился Морган на фельдшера, в медучилище.

Мне кажется, ему нужно стать актером или писателем. Я чувствую в нем талант. А он все заладил: хочу быть врачом. Врачи – это тетки с варикозными венами и мужики, которые смотрят сальным взглядом во время того, как пальпируют живот. У них застиранные халаты, торбочки вместо сумок и вечно помятые деньги в многочисленных карманах. От них пахнет потом, спиртом, больницами. Они не любят людей, вечно советуют самые дорогие лекарства и назначают УЗИ щитовидки и всякие рентгены! А кому оно надо, лишний раз облучаться...

Один врач трогал мою грудь. Мне было лет двенадцать, и моя мама решила, что у меня свинка. У меня опухло лицо и болело под мышками. Я не сказала этого маме, но я побрила их папиной бритвой. Там было всего несколько волосков, но они меня раздражали. В общем, не могло у меня быть свинки. У девочек не бывает, я читала. Я же не дура, этот врач наверняка знал, что у меня не может быть свинки, но все равно настоял на том, чтоб пощупать мои лимфатические узлы. В его кабинете было холодно, а на стенах висели плакаты с рекламой презервативов. Мама ждала меня снаружи. Он по-

просил лечь на кушетку и поднять кофту, а когда нагнулся, я увидела сколько волос у него в носу. Он не помыл руки, не объяснил, что собирается делать, и начал щупать мой живот и стучать по нему пальцами. Потом попросил встать и сунул свои руки мне под мышцы. Я вспотела, пока мы шли в поликлинику, и он поморщился. Или мне показалось? Сказал следить за гигиеной и прийти ещё, если поднимется температура.

Когда я рассказала Моргану, что думаю о врачах, он сказал, что несмотря на то что мне так нравится выходить из дома, дом из меня никуда не выходит.

А потом сунул мне под нос свой телефон с открытой вкладкой «паротит»⁴.

Ладно, бывает и у девочек.

Морган поздний ребенок, как и я. Его воспитывает мать по имени Марта, которую Морган брезгливо называет «сухая женщина», и Сережка – профессиональный йог (он сам так о себе говорит) и инженер. Лучший друг покойного отца Моргана – Андрея.

Андрей умер из-за огромного эхинококка в печени, размером с футбольный мяч и своего упрямства! Он годами готовился к собственной смерти, потому что жизнь наскучила ему ещё в тот день, как его брат-близнец отдал душу Богу, в июне 1987-го.

⁴ *Паротит* (свинка) – острое инфекционное заболевание, проявляется воспалением околоушных желез, чаще всего болеют дети.

В завещании он написал жене: «Развей мой прах над Южным Бугом и ни в коем случае не выходи за Сережку!»

Романтическая возня с Сережкой длилась не один год, и все вокруг об этом знали.

Марта и Андрей не справились со своей трагедией. Их отношения начали трещать по швам вместе с трехэтажным домом, который они возводили с нуля больше пятнадцати лет. Все варенье скисло, абрикосовые деревья перестали плодоносить, деревянные окна были съедены термитами, а пол прогнил. Дом строился для большой семьи. В одном крыле – Марта и Андрей, в другом – Семен, брат-близнец, его будущая семья.

Пока Андрей отрывал стрекозам крылышки, собирая первые познания в аэродинамике (он мечтал стать пилотом), Семен перевязывал лапы дворовой собаке и диагностировал аритмию у толстых голубей. В пятнадцать пути разошлись – Андрей пошел в военное училище, Семен – в медицинское. У братьев был свой язык. Они называли его «вороний», перед каждой гласной буквой нужно было вставлять «кар». Например, бркарт или Карндркаррей. За годы тренировок они наловчились говорить так быстро, что их никто не понимал, некоторые даже принимали их вороний язык за сербский.

В апреле 1986-го Семена отправили врачом-добровольцем в город Иванков – первоначальный приемный пункт эвакуации населения Припяти. Алое свечение, исходящее от реактора четвертого энергоблока, невозможно было не заме-

тить, но многие люди сопротивлялись, не хотели выезжать. Пациентам давали смесь йода с водой. По пустынным улицам ходили патрули с дозиметрами. Появились первые симптомы лучевой болезни.

Тех, кто не захотел эвакуироваться, силой вывезли из города.

Люди пили молоко и молились.

Семен вернулся домой спустя месяц. Лысый, почти слепой, с голубоватым пятном на правом глазу, алыми изъязвлениями на коже и бесполезным противогазом на память.

Он отказался от всякого лечения, кроме обезболивающих. Просто лежал и ждал своей смерти, иногда отпуская шуточки про радиоактивный загар.

Семен смотрел в лицо брата вместо зеркала и ему становилось легче. Андрей говорил, что и смех, и слезы были красного цвета.

Баба Аня, живущая по соседству, перестала продавать брынзу.

Это стало предзнаменованием. Люди сошли с ума. Стали рисовать черным углем кресты на их доме. Никто и не вспомнил о том, как каждый год полгородка собиралось, чтоб поздравить доктора с днем медика. Кто приносил колбасу, кто – бутыль, некоторые – цветы.

– Это очень заразно! – шепоток, разнесшийся по городу, залетел в закрытые окна маленькой комнатухи, в которой медленно и мучительно умирал Семен, и провел его в по-

следний путь.

Вот почему Морган хочет стать врачом.

Уехать отсюда.

Я тоже хочу отсюда уехать! Мне некуда ехать, но я хочу этого больше всего на свете.

Когда мы случайно встретились по дороге в магазине окон, он попросил моей руки. Я шла узнать, сколько стоит сделать решетки на окна. Самые обычные. Желательно дешевые. Мы живем на первом этаже, и недавно в окно попытались залезть. Но мама моя тоже не промах!

Она как раз сделала маску из яичных желтков на голову и налепила на лицо серую глину, чтобы очистить поры. Мама годами не появлялась у врача, ела все, что под руку попадалось, и сама вырвала себе два зуба с помощью нитки и дери, но за волосами и кожей следила примерно! Когда невезучий грабитель уже почти залез в окно, она подметала с пола осколки вазы, которую скинул со своего места сквозняк около десяти минут назад. Из-за того, что она отвлеклась на шум, выкипело молоко и маме пришлось вытирать пол. Я делала вид, что сплю, потому что не хотела ей помогать.

В тот момент, когда грабитель снес сетку от комаров и подтянулся на руках, мама заметила его и, не дав возможности опомниться, набросилась с криками: «Пошел нахрен отсюда! Пошел!» Шум не разбудил папу, заснувшего в туалете, а я вскочила с кровати и понеслась в комнату, вооружившись огромным флаконом дешевых духов, подаренных Аллочкой.

Я собиралась лишить его зрения. Но мама уже отметелила грабителя веником и скидывала из окна осколки вазы. Мне не удалось его сфотографировать, было слишком темно. Он поспешно отполз назад и скрылся из виду.

На следующий день мама послала меня выяснить, сколько стоят решетки на окнах, и Морган попросил моей руки.

Мы пошли на детскую площадку. Никого не было. Уселись за крутящийся стол с детскими стульчиками. Оранжевая краска местами облупилась и под ней проступала зеленая.

– Сними куртку.

Я послушалась.

– Положи руку на стол и сожми кулак.

Морган закатал рукав, перехватил плечо жгутом. Протер кожу на запястье ваткой, смоченной в спирте. Все необходимое молча и быстро извлек из рюкзака. Поднес иглу к моей вене. Я не шелохнулась. Смотрела в сторону, но кожей почувствовала его улыбку. Распустил жгут, я почувствовала, как что-то холодное заструилось по вене. Придавил ваткой.

– Посмотри на меня.

– Опять круги под глазами. Плохо спал?

На меня обрушилась его ладонь. От неожиданности я выронила ватку из рук. Правая щека горела. Я с трудом подавила желание расплакаться и посмотрела Моргану в глаза.

– Идиотка! Ты даже не спросила, что это было!

– Героин, – попыталась пошутить я.

– Физраствор, – передразнил Морган, – но могло быть всё что угодно. У тебя что, вообще нет мозгов?

– Просто я тебе доверяю, останови качель, меня тошнит.

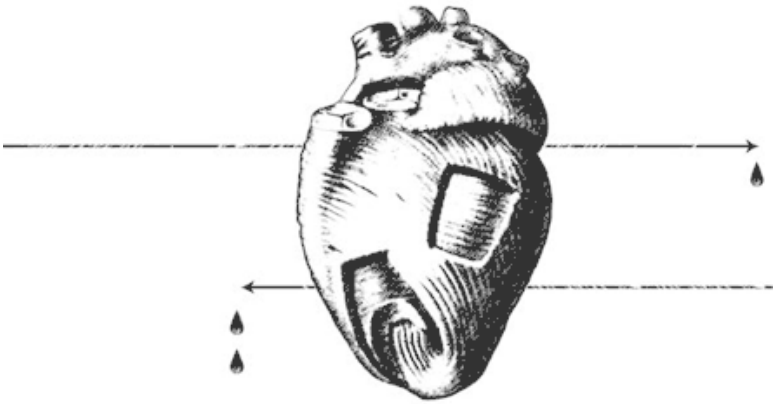
Морган изо всей силы крутанул стол.

Мир завертелся.

Я закрыла глаза, чтоб справиться с тошнотой. Мы молчали, пока не остановились по инерции.

Мама так и не поставила решетки на окна.

Глава 4

По субботам мы сидели в Газебе⁵. Сережка, друг Марты – матери Моргана и его друзья собирались в деревянной беседке, после того как сторож проверил, выключен ли свет в туалете, и закрывал калитку детского садика «Гармония».

Я ждала вечера с самого утра.

Время тянулось как патока. Я сидела в душевой комнате, односложно отвечала на вопросы родителей, подметала плиточный пол в ванной от своих и маминых волос, красила глаза черным карандашом и смывала, бесконечно кликала по

⁵ Калька с английского «Gazebo» – беседка.

ссылкам Википедии, перепрыгивала из тринадцатого века в двадцатый.

К обеду оказывалось, что я читаю про Диксиленд или особенности вождения в Техасе. Иногда я записывала интересные слова – вроде «мортидо» или «амбивалентность», чтоб свернуть их в разговоре с Морганом. Иногда мне казалось со скуки, что у меня снова вши, и я просила маму посмотреть. Внимательно! Каждую прядь. Может, мне хотелось её прикосновений, а может, не давали покоя воспоминания о поездке в летний лагерь. Юный сухоход, прости господи. Две недели. Каждый вечер мы собирались у костра, обнимались всем «отрядом» и желали друг другу спокойной ночи. Спали мы плохо, но было весело. В барбарисовых конфетах копошились черви, а по подушке ползали черные вши. Мы жили впятером в белой комнате с большими деревянными окнами и одна из нас слыла профессиональной гадалкой. Она сказала, что у меня глаза тигра и сердце носорога. Что бы это ни значило, мне она казалась умной и красивой. У нее были широкие густые брови, я долго хотела такие же, и глаза разного цвета. Когда кто-то украл у меня белый лак для ногтей, она нашла вора (это был мальчик из комнаты напротив) и написала «вор» белым лаком у него на руке.

Иногда я вспоминаю её быструю пружинистую походку, эти суровые брови и то, как хлестко она давала пощечины арбузам. Мы тренировались на будущее.

– В жизни каждой женщины наступает момент, когда надо

дать по роже, – говорила она.

А я изо всех сил пыталась создать ситуацию, в которой могла бы отточить свой навык, но ко мне никто не приставал. А бить людей просто так я не могла, была слишком мелкой.

С тех пор подкрашиваю свои жиденькие брови коричневым карандашом и сразу чувствую себя уверенней.

Наконец приходит вечер. Первыми реагируют фонари. Мошки слетаются на смутное сияние и вместе с пылинками заставляют свет двигаться, разрастаться. Пустая аллея наполняется призраками, я втискиваюсь в кеды, выбегаю на лестничную клетку. В подъезде пахнет сыростью и краской. Я стараюсь спускаться медленно, чтоб не запыхаться, чтоб не показать своего волнения.

Морган не здоровается со мной, мы молча идём в Газебу. Обычно нас шестеро – Сережка, отчим Моргана, его рыжебородый приятель Адам, таинственная Лилит (настоящих имен никто не знает, а Серёжка не колетса, даже странно, что у взрослых такие причуды), я, Морган и Владислав, фотограф с аниме-вечеринки. Мне с ним некомфортно, он все время акцентирует внимание на том, что я ребенок. С красивыми ключицами. Или что там ему приглянулось. Однажды он заметил, что карандаши у меня вечно обгрызены. Тогда он принес мне блокнот с шероховатой бумагой и попросил нарисовать ему что-нибудь. А я не рисую! Что я делаю с карандашами – так это верчу их в руках. Так я поняла, что ему хотелось бы, чтоб у меня был какой-то талант.

Но у меня не было.

С Морганом Владислав держался холодно. Иногда они спорили до потери пульса и соревновались, у кого более меткие плевки ядом, а иногда могли не смотреть друг на друга целый вечер.

Я не уверена, но вроде как Моргану не нравилось, что мы с Владиславом так хорошо ладим.

Сережка, Андрей и Адам дружили с восьмого класса. Адама тогда звали по-другому, а Андрей ещё не умер от огромного эхинококка в печени и невообразимого упрямства. Семен, его брат-близнец, с ними не водился. Он предпочитал общество Джека Лондона в тени абрикосового дерева, старого рояля в музыкальной школе № 1 и Клары, книжного червя из их класса. Клара уехала после окончания школы и с тех пор её никто не видел.

Они все никогда не выезжали из городка больше чем на две недели. По-своему презирали собственную провинциальность, по-своему восхищались её скрытыми ресурсами. С местного автовокзала стали ходить автобусы в Европу, в гимназии оборудовали компьютерный класс, а атомная электростанция регулярно обновляла состояние дорог и представляла полный пакет соцуслуг. И Сережка, и Адам работали инженерами, а по выходным собирали молодое поколение в Газебе. Приносили вино, пели Цоя и задавали провокационные вопросы пытливым умам.

Лилит попала в их компанию случайно.

Однажды она взяла и позвонила к Адаму в дверь. Вместо звонка у него – самый настоящий гонг. Так что она ударила в гонг. Попала в самое сердце.

– Мне нужно поработать. Душ. Интернет. Зеленый чай. Я издалека приехала.

Адам позволил ей войти, дважды попросил снять обувь, прежде чем из сандалий (а дело было зимой!) показались синеватые пальцы, и принес большое махровое полотенце.

Лилит в основном молчала. Предпочитала язык программирования. Она могла работать по шестнадцать часов в день, не вставая с простого деревянного стула на кухне, который облюбовала с самого начала. Куда девались её деньги – никто не знал. Вещей у неё почти не было. Может быть, она работала для удовольствия. Адам покупал продукты, а Лилит ваяла из них произведения искусства. Она любила темную еду. Яичницу щедро посыпала перцем, грибы тушила только в соевом соусе, дожидалась, пока бананы сгниют.

– Белая еда – вредно для живота, – говорила Лилит.

Мне она сказала, что приехала из Индии – родины цыган, золота и людей с такими огромными легкими, что и представить сложно. Лилит умела задерживать дыхание на целых три минуты и стоять на голове.

Моргану говорила, что десять лет прожила в Киеве и устала смотреть по сторонам, когда переходишь дорогу на зеленый.

Владислав рассказал по секрету, что она работала в Китае

в агентстве эскорт-услуг и только вернулась. Вроде бы именно там она научилась играть в го.

В то время нас всех очень интересовало – спят ли они с Адамом вместе, но Владислав, который иногда бывал у них в гостях, уверял, что Лилит спит на деревянной раскладушке, которую переносит по квартире в зависимости от расположения луны на небе. Если умудряется заснуть. У неё проблемы со сном. Она пробовала всё – от сильнейших снотворных до акупунктуры, сон приходил к ней, лишь когда сам того хотел.

Адам читал ей сказки на ночь.

А потом уходил в свою комнату.

Между ними было *что-то*. Они напоминали одного человека в разное время суток. Оба с черными как смоль длинными волосами, высокие, тонкие и тихие, они иногда заканчивали предложения друг за друга.

Мы видели, что Адам страдает. Видели, что он любит Лилит. По-настоящему трепетно к ней относится. Он совсем не торопился, позволял ей привыкнуть к их странным отношениям, но всегда был рядом.

Однажды она в шутку сказала, что ей надоела его рыжая борода, и на следующий день он её сбрил.

Пьянели они не так, как друзья моих родителей. Они управляли временем, наматывали его на пальцы как стеклянную лапшу и позволяли языку забрести в дебри своих мыслей.

Они могли часами играть в го и пить зеленый чай. Никогда не говорили о работе, политике или деньгах. Лилит приносила мне книжки раз в месяц, и если мы оставались наедине, всегда допытывалась: прочла ли я? Так я прыгала из Бхагавадгиты в Коран или из «Бойцовского клуба» в позолоченный сборник хокку (вроде таких, что дарят на день рождения коллегам). Я никогда не понимала, чем она руководствуется при выборе книг, но читала, смотрела и думала обо всем, чего мы касались.

– Почему вы общаетесь с нами? – я, наконец, задала этот вопрос.

– Вы – самые интересные люди в городе, – не задумываясь, ответил Сережка и подлил мне вина, – пока не выросли.

– Ей хватит, – Владислав забрал у меня бокал, выпил залпом и заиграл какой-то знакомый перебор на гитаре Моргана горлышком от бутылки. Получился такой потусторонний звук.

Позвонила мама. Я сказала, что скоро буду.

Сережка учил Моргана вязать беседочный узел⁶.

Мне так не хотелось домой. Отсюда видно звезды.

Адам и Лилит держались за руки, вино всё не заканчивалось. Я ела мягкий сыр, вкусный, я такого раньше не пробовала. Всё было так органично, а если и случались паузы – их не надо было заполнять. Эти паузы были как выдох после

⁶ *Беседочный узел* – один из основных и наиболее древних узлов общего приращения. Незатягивающаяся концевая петля.

того, как набрал в грудь слишком много воздуха.

И снова – вздох.

А дома что? Червяки варикозных вен на ногах моей мамы и россыпь папиллом у нее на шее, я все время проверяю свои ноги и свою шею, у себя дома я боюсь старости, а здесь я вечно молода! Это так глупо, мне пятнадцать! Я не хочу, чтоб на меня смотрели снимки папиной печени, огромной циррозной печени, висящие над диваном, «для людей, чтоб стыдно». Людям все равно, папе все равно, а я не хочу! Не хочу!

Сережка сделал петлю, протянул через неё незакрепленный конец, проделал ещё несколько точных, быстрых движений, и одна петля оказалась внутри другой. Затянул.

– В честь Газебы, – пошутила я.

Сережка кивнул.

– Или хорошей беседы. Это всегда петля в петле.

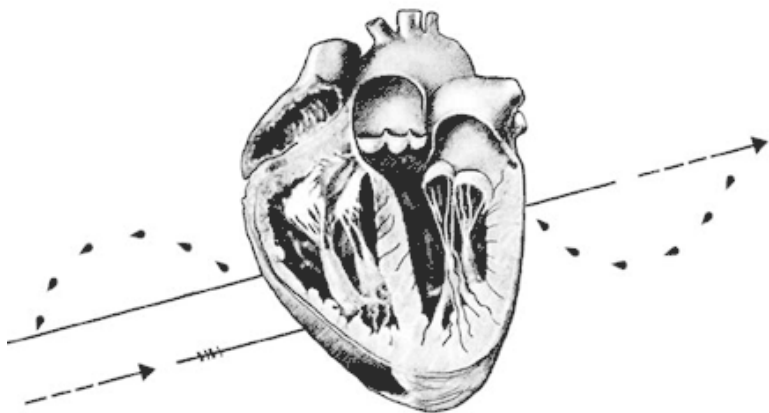
Морган повторил за ним.

Мы все сосредоточенно молчали.

Что-то волшебное происходило прямо у нас на глазах.

– Ну, всё, – Морган выдержал паузу, – теперь смогу пришвартовать свой корабль, если что, – легонько пнул меня ногой, – пошли, проведу.

Глава 5

Если вы когда-нибудь смотрели «The Wall»⁷ – вы знаете всё, что нужно про общеобразовательные школы.

Не то чтобы я чувствую себя немым куском мяса, который безжалостная мясорубка выплевывает прямо в огромный рот уродливого цветка-вагины, не то чтобы я сбрываю себе брови и ресницы перед зеркалом, не то чтобы толстогубый учитель зачитывает мои стихи перед всем классом (я не пишу стихи) и в классе у детей вместо голов – тыквы.

⁷ Художественный фильм режиссёра Алана Паркера по сценарию Роджера Уолтера, основанный на одноимённом альбоме группы Pink Floyd 1979 года.

Но лучше и не скажешь. Правда.

Недавно я впервые пришла в «Отвертку». Это место держит друг Владислава – вертлявый скуластый Жук. Я смотрела на него, стоящего за барной стойкой, в окружении вытянутых бутылок из темного стекла, пивных стаканов, блестящих алюминиевых отверток, разноцветных лампочек, распечаток из атласа по лепидоптерологии⁸ (ночная бабочка крупным планом – ужасающее зрелище), парящих в воздухе ловцов снов, диджариду, с которым он не расставался, кучи разобранных часовых механизмов, чемоданов вместо стульев, столов, подушек, я смотрела на него и думала, что он настоящий инопланетянин. Он бросил вызов Земле. У него своя планета.

Место, где можно улечься на широком подоконнике и плевать в потолок, не боясь, что плевки вернуться. Здесь не работают законы физики.

Жук разбавлял водку апельсиновым соком, мешал отверткой с желтой ручкой и производил натуральный обмен.

– Даешь бухло, получаешь восхищение, – сказал Владислав.

– С тебя десятка, – добавил Жук.

С отверткой в руках, в окружении бледно-голубых стен, бесконечных ламп разных форм и размеров (которые все равно не давали достаточно света, и это было хорошо), Жук

⁸ Раздел энтомологии, изучающий бабочек.

напоминал Алекса из «Заводного апельсина»⁹ и ещё одного мальчика с соседней улицы, нюхающего клей. Когда как.

Но он был Жуком. Отважным инопланетянином.

Пока я не встретила его на субботнем рынке, он покупал сушеную рыбу, картошку и что-то ещё, я не рассмотрела. Рядом стояла женщина в красном пальто с пушистым искусственным мехом и высоких сапогах, которые обтягивали полные икры, как чулки. У нее были черные жидкие волосы с пробивающимся светлым пробором и синие перманентные брови. Улыбалась она искренне. Но не мне. Пыталась сбавить цену на помидоры.

– Ромчик, еще творог надо, – сказала она Жуку.

Он помахал мне, и они ушли.

Хорошо, что они едят творог. Кальция много. Хотя лучше бы он пил молоко в баре «Корова» и совал отвертку в глаз бармену, если тот дерзит. Но он сам бармен. К тому же вполне счастливый Ромчик. Без всяких *превращений* в жука. Землянин.

Несколько дней назад я мыла в «Отвертке» пол. Не знаю, как так вышло. Я и дома-то не особо полы мою. Жук созвал всех на ночной кинопоказ. Как раз крутили «The Wall». Бесплатный вход. Ожидалось много народу, Жук даже притащил кучу старых матрацев и накрыл их цветастыми покрывалами, а кто-то взял и наблевал прямо на пол.

⁹ Культовый фильм 1971 года режиссёра Стэнли Кубрика по мотивам одноимённого романа Энтони Бёрджесса, вышедшего в 1962 году.

Жук принялся за уборку, но тут понял, что забыл купить вино, и сыр, и свечи, что-то ещё он говорил... Унесся быстрее, чем я успела сообразить.

В конце концов я заметила их с Владиславом на крыше соседнего здания. Пожарная лестница начиналась в полуметре от земли и, подтянувшись, можно было легко залезть на треугольную крышу. Они накурились в хлам и чуть не разбили головы, когда слезали.

В общем, я нашла какую-то вонючую тряпку, шампунь в туалете (Жук иногда оставался ночевать в «Отвертке») и повозила шваброй по полу. Стало чище.

Морган застал меня с тряпкой в руках. Пришлось выслушать лекцию по поводу того, что я не умею говорить «нет».

А я не умею.

Неделю назад у меня была сильная ангина, я провалялась дома дней десять. А всё из-за Моргана, потому что нахваталась холодного вечернего воздуха! Я думала, что умру, и все время щипала себя за шею. Есть такой китайский рецепт. Щипать, пока не появится синяк. Улучшает кровообращение. Мама тыкала мне в горло карандашом с ваткой, вымоченной в растворе Люголя. На вкус как йод. Или это и есть йод? Было трудно подавить рвотный рефлекс. Но в качестве альтернативы она предлагала уринотерапию. Так что я согласилась на йод. А потом она разрисовала мне все пятки оранжевой сеткой.

А кроме того заставляла пить не меньше десяти кружек

чая в день. Ненавижу чай с лимоном и малиновым вареньем.

Мама нашла подработку во Дворце культуры. Украшает зал для областного фестиваля театра кукол и готовит декорации. Терпеть не могу театр кукол. Это как англоязычные псевдонимы, за которыми скрываются Ваня или Тарас, даже Артур, один чёрт. Куклы красивые, а руки, скрывающиеся за ними, – нет.

Я всегда исправляю тех, кто говорит «кукольный театр». Кукольный значит игрушечный, ненастоящий. А он настоящий и поэтому такой отвратительный. Перчаточные куклы обречены на фальшь. У них крикливые голоса, ломкий смех и большие рты. Марионетки – безвольные существа, вечно несчастные, изломанные, драматичные. Они смотрят на кукловода с восхищением, а однажды ночью похищают его разум. Ростовые куклы вечно лезут обниматься и потеют в своих жарких костюмах.

Это всё так жизненно.

Когда я рассказала об этом Сережке, он сказал:

– Бог мертв¹⁰. Поэтому ты не любишь кукольный театр.

– Правильно говорить театр кукол.

Больше всего меня пугают тантамарески – эти стенды с дырками для головы. Человеческие лица и двухмерные тела. Бородатый мужчина с красным одутловатым лицом, втиснутый в монашескую рясу, или костюм супермена, маленький

¹⁰ Высказывание Ницше. Трактуются по-разному. В нищезанстве рассматривается как нравственный кризис человечества, утрата веры в «высший порядок».

мальчик в платье невесты, лысая женщина с телом жирафа.

Я пыталась заниматься чревовещанием.

Я ставила на стол свой зеленый термос, открывала крышку и говорила: «Не лейте в меня чай, это больно! Больно!» Мольбы о помощи – хорошая тренировка на первых порах, их часто используют, чтоб создать иллюзию, что куклу схватили за грудь, доставая из коробки, или вроде того. Нужно представить, что легкие – это шарик с маленькой дырочкой, набрать побольше воздуха, а потом медленно и незаметно выдыхать, втянув живот. Первым делом я научилась стонать. Из-за напряжения диафрагмы стон получался сдавленным и звучал будто издалека. Мне всегда было немного стыдно во время моих занятий чревовещанием, со всем этим учащенным дыханием и странными звуками, я боялась, что родители неправильно поймут, и ничего ужаснее себе и представить не могла. Но у папы была серная пробка в левом ухе, а на правом он обычно лежал, уткнувшись в экран телевизора, а мама так громко водила карандашом по бумаге, что заглушала даже собственные рыдания. Но я все равно чувствовала напряжение.

Морган сказал, что это не моё, когда я устроила для него небольшое шоу с плюшевой совой.

Посоветовал начать со скороговорок.

Линолеум линиял-линял, полиловел да вылинял.

Терпеть не могу линолеум в нашем узком коридоре, заставленном старой обувью и поломанными зонтиками. По-

чему мы ничего не выбрасываем?

Морган хотел зайти проведать меня, но у меня грязная голова. Терпеть не могу люстру с пятью плафонами, сделанными в форме тюльпанов, и двумя работающими лампочками, этот душный свет, мои грязные волосы... Мама отключает горячую воду, а я не умею пользоваться дурацкой колонкой, нужно поднести спичку к огнедышащему жерлу и одновременно с этим запустить газ. Я боюсь. Мама говорит, что у меня будет менингит, если я не дай бог помою голову, когда из носа течет. Так что она не включит. На меня укоризненно смотрит недоеденный бутерброд с вареной колбасой. Я отказалась. В зубах застрял жасминовый листик (мама, я терпеть не могу жасминовый чай!).

Не успела я выздороветь, как мы снова принялись за дело.

Морган научил меня вызывать галлюцинации и путешествовать между мирами.

Мы встречались за гаражами, загадочными гаражами, из которых никогда не выезжали машины. Казалось, они стоят только для того, чтоб в темноте испуганные и счастливые школьники могли распылять свои генитальные фантазии на сжавшиеся от страха стены и писать «Мара – овца». Никто не знал, что это была за Мара и почему она овца, но мой отец рассказывал, как однажды они с друзьями выпили десять литров пива на троих, залезли на крышу школы и помочились в трубу химкабинета. Окрыленные, они схватились за баллончики и написали «Мара – овца», повинувшись

безусловному инстинкту (тому же, который заставляет поджигать мусорные баки и ездить зайцем на кряхтящем от старости трамвае). Должно быть, эта Мара – ведьма, раз десятилетие за десятилетием она умудряется появляться то тут, то там в моменты наибольшего юношеского потрясения. Когда между «я вечно молод» закрадывается «я стану таким же, как и все» и не остается ничего больше, кроме как покупать баллончики и убегать от невидимых взрослых, которые вот-вот застукают...

За гаражами часто прятались от холода бродячие псы, и я старалась не заходить туда без лишней необходимости. Морган подкармливал их хлебом и сосисками и даже иногда гладил против шерсти, а я замирала и только надеялась, что ничто не выдаст мой страх.

Но страх был очевиден.

Морган был моим проводником. Я приседала около тридцати раз, чтоб дыхание сбилось. Садилась на корточки и часто-часто дышала. Тогда Морган затягивал шарф на моей шее. Я купила его в секунде два года назад. Сразу почувствовала – это моя вещь. Орнамент из васильков и трэф на светло-голубом полотне напоминал мне диковинную бабочку. Трепещет-трепещет, машет крылышками, вдруг замирает, увидев прекрасный цветок, а потом превращается в пену. Как Ариэль, русалочка, отдавшая свой голос старой ведьме ради призрачной возможности быть вместе с принцем. Это история моего шарфа и моих бабочек.

Морган сдавливал мою шею изо всех сил, дожидался, пока глаза мои застилал молочный туман (я тренировала драматичное закатывание глаз перед зеркалом), и резко отпускал. Несколько секунд хватало, чтоб увидеть, как красные треугольники превращаются в толстую бабу с пирожками вместо щек, которая плюет так метко, что дрожит земля.

Морган позволял мне быть его проводником куда реже. Ему было интересно исследовать мое состояние, он записывал все образы в толстый блокнот с кучей вырванных страниц. Эти страницы лучше всего иллюстрировали наши отношения. Как бы мы ни были близки – я читала только то, что он позволял прочесть.

Морган часто видел близнецов. Отца и дядю. Он хорошо представлял себе, как они выглядят. Марта не была сентиментальной и сразу выкинула все вещи Андрея из дома, чтоб глаза не мозолили. Но фотографии оставила. Спрятала в глубине комода, в своей спальне. Морган их нашел. Когда ему было десять, он увидел под подушкой в гостиной странные ампулы и всё понял.

«Вот почему она такая счастливая!»

Около месяца он пытался начать этот разговор. Но прежде нужно было убедиться – он провел тщательный обыск. Перевернул все вещи в комнате матери вверх дном, но не увидел других следов употребления. Зато нашел альбом с фотографиями. Темно-синий квадрат. На обложке аквариум. Бултых! Морган начал тонуть. Клейкие страницы с прозрач-

ной пленкой. Вот она, его история. Мелкие ракушки. Записки на обрывках бумаги. Ленточка из роддома. Два серебряных кольца. Засохшая веточка мимозы. Как будто под стеклом, но вместо стекла – время. Всего одна свадебная фотография. Праздновали скромно. В общежитии политеха. Собрали только близких друзей. Марта держит в руках остроконечную шляпу и улыбается, Андрей достает из неё бутылку шампанского. На нем твидовый пиджак в клетку. У него смеющиеся глаза, рядом сидит брат. Его сфотографировали с застывшей у рта ложкой. У него на тарелке огромный кусок торта. Несколько крошек запуталось у него в усах. Семен носил пышные усы, у него даже была специальная расческа. Так их с братом можно было сразу отличить друг от друга. Марта босиком, на ней просто кремовое платье чуть ниже колен. Волосы заплела в колосок. Её лицо кажется совсем юным.

– Ты колешься? – спросил он у Марты, когда терпеть напряжение стало невмоготу, и протянул ей найденные под подушкой ампулы.

– Это для кожи, – засмеялась Марта, – гиалуроновая кислота. Иди сюда, – она попыталась обнять Моргана.

– Фу, у тебя кожа кислая!

Такими он их запомнил. Живыми, веселыми. Сливающимися в одного человека. С усами или без. Не важно. Важно, что глаза смеются, а большие сильные руки подбрасывают его в воздух, и нет никаких сомнений – поймают!

Больше Морган никогда и никому не позволял подбрасывать себя в воздух.

Небо было ясное. На улице пели птицы.

С утра они с папой уже успели сходить в птичий домик и покормить гусей. Андрей смеялся и предлагал Моргану купить пирожки с капустой у старой бабки на углу. Пока мама не видит. Кипящие в желтоватом масле, набитые капустой с луком, хрустящие пирожки были их маленьким секретом. Папа брал Моргана на руки, поднимал на уровень окошка, и он мог заглянуть в царство жареного теста. По ту сторону стояла горбатая бабка, её длинные волосы были заплетены в косу и перехвачены синей косынкой. Она всегда просила дать ей побольше «мелких», и папа тогда весело звенел монетками и обменивал их на пирожки.

А вечером – он уехал на большой белой машине. Сказал, что скоро вернется.

Он не любил больницы. В детстве Андрей упал с дерева и сильно ударился головой. У него было большое кровоизлияние, понадобилось делать трепанацию. Маленькому мальчику никто не стал объяснять, что сейчас произойдет. Это было самое страшное. Просто поволокли в отделение, искололи все вены, надели маску на лицо и сказали, что он крепко заснет. Но почему-то он видел облупленные синие стены, блестящие скальпели и проволочную пилу. Почему-то он помнил боль, хоть и не чувствовал боли. В память врезались слова холодной операционной лампы: «Я бы согрела тебя, но не

могу». Разве лампы умеют говорить? Даже операционные. Мамы нигде не было. Только чужие взрослые в смирительных рубашках. Нужно дышать. Глубже. Глубже. Погружаться в сон.

Когда Андрей проснулся, один из врачей подарил ему апельсин. А ещё протянул черный камешек.

– Вот это мы достали из твоего черепа, представляешь? Это камень глупости, теперь ты будешь самым умным, парень!

С тех пор он старался не лазить по деревьям и не доверять ни одному врачу на свете, кроме своего брата.

Андрей уехал на большой белой машине и сказал, что скоро вернется.

Но больше не вернулся.

Марта плакала и обнимала Сережку, папиного друга. Сережка готовил еду, наливал многочисленным гостям водку, починил дверь в туалет.

Скоро в доме стали появляться его вещи.

Моргану никто ничего не объяснил.

Так начался пожар.

Посреди ясного неба. На улице пели птицы. Два человека, слившиеся воедино. С усами или без. Не важно. Пламя уносило их со скоростью ветра, сметая на своем пути поля и дома, пока не выплюнуло на одиноком острове, превратив их обезображенные руки в львиные лапы, а лица – в львиные морды.

Вот что видел Морган.

Бывало, что удушье не работало. Морган сдавливал мою шею, но ничего не происходило. Я просто чувствовала, что задыхаюсь. Но боялась в этом признаться. Вдруг что-то сломалось, и он больше не будет... прикасаться ко мне? Это малодушно, но я не могла этого допустить. Поэтому я выдумывала всякий бред. Неслась как угорелая за случайными ассоциациями и облагораживала их как могла.

Так мы придумали историю про корабль дураков¹¹. А может, он всегда существовал в воображении Моргана? Или моём? Может, у каждого в голове бездонный колодец, но запускать туда ведро страшно. Вдруг и не вода вовсе?

Уж лучше мучиться от жажды.

Или мучить.

– Короля делает свита, – сказала мне однажды мама, когда мы в первый раз в жизни пошли в театр.

Это был театр юного зрителя, и я ела втихаря сухарики с холодцом и хреном, потому что от них горело во рту. Я знала, что от театра должно «всё внутри пылать», и решила перестраховаться. Не помню, что был за спектакль, но взрослые там играли детей и говорили дурацкими голосами, а дети – играли деревья, и я не поняла, почему они все перепутали. Тощий мужчина вышел на сцену в меховом плаще, и

¹¹ *Корабль дураков* – сатирическая поэма Себастьяна Бранта, послужившая основой для многих произведений искусства (самое известное – И. Босх «Корабль дураков»). Плавающая тюрьма. Безумцев, прокаженных преступников отправляют в вечное плаванье.

голос его оказался неожиданно грозным. Я засмеялась. Он выглядел нелепо. Через несколько секунд появились толстая кухарка, шут-коротышка со смешным колпаком, несколько бравых солдат в военной форме и две женщины с вязанием. Все они кланялись королю один ниже другого и пели дифирамбы. Он уже не казался таким тощим, а когда произнес пафосную речь о том, что грядет война, я прониклась и даже отложила сухарики в сторону.

Так я усвоила кое-что очень важное.

Контекст иногда важнее фигуры.

Морган поделился своей идеей с Владиславом (тот умел программировать, так и возникла идея создать форум для ролевой игры¹², я предлагала написать настоящий роман).

Морган рассмеялся и сказал, что если бы я была книгой, то разве что «Собором Парижской Богоматери», а он предпочитает современную литературу. Живую и хлесткую. Я застряла в эпохе романтизма. Не знаю, комплимент ли это.

Основной сюжет придумывал Морган, Владислав отказался от участия, но помогал с организационными вопросами. Сразу предложил расписать роли и установить четкие правила взаимодействия. Сказал, что важно определиться с иерархией. Бывают разные типы ролевых игр. Два основных – «мастерские» и «свободные». В «мастерских» сюжет прописы-

¹² Разновидность текстовой ролевой игры, проходящей на веб-форумах. Правила предусматривают прописывание игроками в отдельном сообщении действий, мыслей и фраз тех персонажей, роли которых они играют. Игровой процесс контролируется администраторами.

вает «мастер». Он даёт задания игрокам, правит их тексты, может добавлять и убирать сюжетные линии, никому ничего не объясняя.

Конечно, Моргану это пришлось по душе.

Я была подмастерьем. Больше власти, чем у простых смертных, но меньше, чем у мастера. Я в основном сыпала художественными деталями и занималась оформлением форума.

Мы позвали Сережку, Адама и Лилит писать вместе с нами. Расширяться не планировали, но у нас быстро появились читатели. Некоторые из них стали участниками.

Это Адам придумал «Остров свободы».

– Любая вечеринка заканчивается, – сказал он, – даже для аутсайдеров. Рано или поздно кораблю придется причалить. Куда-нибудь, где на деревьях растут бананы и никто не стареет...

– Вот почему у нас дома столько переизданий Джеймса Барри¹³, – прокомментировала Лилит.

Она сказала «у нас»?

Я проснулась посреди ночи. На моей груди сидела черная жаба. Я не могла пошевелиться, в ушах раздавался «белый звон», высокочастотный писк. Я поняла, что жаба говорит со мной. Я не могла пошевелиться! Тело превратилось в чугунный гроб, из которого невозможно вырваться! Я даже не

¹³ Джеймс Мэтью Барри – шотландский драматург и романист, автор цикла сказочных произведений о Питере Пэне.

могла закричать!

Через несколько секунд всё прошло, я вскочила с кровати, включила свет и проплакала до рассвета.

Я пообещала себе, что больше не буду участвовать в экспериментах Моргана с асфиксией, но он проигнорировал моё неуверенное «нет» и сказал, что сонный паралич¹⁴ – обычное дело, надо спать на спине. Спасло меня то, что Владислав заинтересовался нашим способом выдумывать истории и предложил свою кандидатуру.

Я засекала время, Морган сдавливал шею Владислава галстуком. Руки у него почему-то дрожали, я объяснила себе это недостатком сна и вечным кофе. Из-за экзаменов Морган снова вошел в кофейную фазу и пил по три чашки в день.

Владислав часто-часто дышал и садился на корточки.

Морган резко ослаблял хватку...

Такими нас и застал Егор Васильевич – старьевщик. Он собирался подобрать бутылки, лежащие около мусорки, и унести их в своей клетчатой торбе, но передумал.

Вместо этого он закурил и сказал с явным знанием дела: – А, собачий кайф...¹⁵

Так мы завязали.

¹⁴ Переходное состояние между сном и бодрствованием. Объясняется тем, что снижение тонуса мышц наступает до засыпания или во время пробуждения. Его еще называют «синдром старой ведьмы».

¹⁵ Сленговое название для игр с асфиксией.

ФОРУМ

«Друг мой, Господу Богу было угодно, чтобы заразился ты сей болезнью, и великой осеняет тебя Господь благодатью, желая покарать за то зло, какое ты совершил в мире сем».

Требник Вьеннской церкви

Картина, представшая перед его глазами 17 ноября 1521 года, была выбита тысячами иголок на внутренней поверхности его век.

Во французской провинции Лангедок за один день сожгли 600 человек, из которых половина была больна проказой¹⁶. Остальные лишь подозревались в этой страшной болезни. В том числе Жозефин Лафар – его мать, Игрейн – златокудрая младшая сестра десяти лет от роду, Жак Лафар – его отец и их собачонка Жужу.

*По роковой случайности Жужу цапнула за ногу старого Чарлайна, обладателя «*facies leonina*»¹⁷. Чарлайн был вполне доволен своей жизнью – до того момента, как был издан указ о борьбе с проказой: полное уничтожение зараженных*

¹⁶ Проказа, или лепра – инфекционное заболевание, сопровождается изменениями кожных покровов. Первое упоминание встречается ещё в Библии. Сви-репствовала в средние века, больные проказой считались проклятыми.

¹⁷ Морда льва. Характерное изменение лица при проказе. Морщины и складки углубляются, выпадают брови и ресницы, лицо покрывается буграми.

и контактных лиц.

Презренный Луи донес на собачонку Жужу, получил несколько честно заслуженных монет и уснул в тот кровавый день с легким сердцем, радуясь, что спас горожан от опасности!

Морган служил подмастерьем в мастерской оружейника на окраине городка. Следующим утром, по обыкновению своему, он возвращался домой. Он спешил поскорее рассказать отцу, что мастер его похвалил! Вместо дома Морган увидел пепелище. Не получив ни единого шанса на то, чтоб осознать происходящее, он был схвачен.

Морган получил три удара тупым предметом по голове и один – ногой в живот.

Его уложили на носилки, накрыли черным покрывалом и под пение погребального псалма доставили в церковь, где служилась месса за упокой. Морган был парализован отчаянием, страхом и виной перед всеми этими людьми. Он наверняка все это заслужил, другого объяснения нет...

Он не сопротивлялся. Не смог вымолвить ни слова. Даже не сумел сказать «аминь». Он молчал, когда его клали в гроб, относили на кладбище, опускали в могилу и сбрасывали несколько лопат земли со словами: «Ты не живой, ты – мертвый для всех нас»¹⁸.

После этого его вытащили из могилы и куда-то отвезли.

¹⁸ Распространенный религиозный ритуал перед отправлением прокаженных в лепрозорий.

Вот так – раз и навсегда – изменилась его жизнь. Теперь он был совсем одинок.

Теперь он был мёртв.

Воспоминания сохранились обрывками.

Он помнил скрипящую огромную железную дверь. Помнил изуродованные лица людей, лежащих прямо на земле.

Монастырь Сен-Круот стал его домом на ближайшие несколько лет.

А семьей его стала толпа обездоленных, облаченных в балахоны с прорезями для глаз. Они должны были всегда носить с собой колокольчики, чтоб предупредить о своем появлении. Согласно новому закону, следовало возводить лепрозории¹⁹ у дорог. Так изгои могли собирать милостыню.

Живые мертвецы, забывшие свои имена, они знали лишь одно – cito, longe, tarde²⁰.

Но было слишком поздно.

Страдающие от болезни, лишённые всякого человеческого участия, они ждали смерти как избавления. Вот какой была новая семья Моргана.

Они поддерживали друг друга. Старик Арнет рассказывал каждый вечер истории о дальних странствиях. Он напоминал Моргану отца. Перед тем как заснуть, Морган пытался вспомнить лицо предателя Луи, восстановить в па-

¹⁹ Места для изоляции и лечения прокаженных.

²⁰ Уходите быстро, далеко и надолго. Совет, который давали лекари во время эпидемии чумы.

мяти черты сестренки, матери, отца. Но время вытесняло воспоминания, и Морган ненавидел себя за это.

Порой добрая Габриэлла, монахиня, приносила ему кусок лукового пирога с кухни. Жизнь становилась не такой невыносимой. Старик Арнет учил его латыни. Высокие своды монастыря Сен-Круот спасали от одиночества. Он видел в витражных стеклах улыбку ангелов. Кажется, это была Игрейн. Это точно была она!

Но «добрые люди» лишили его и этой малости.

Ужасный вид больных, их зловонные язвы пробуждали в здоровом населении страх и ненависть. Прокаженных обвиняли в сговоре с ведьмами. Подозревали в том, что они хотят свергнуть короля. Считали, что они отравляют городские колодцы и похищают младенцев.

В 1525 году страхи достигли своего пика, и, сумев обзавестись необходимыми доказательствами, толпа стала свирепствовать.

В качестве примера одного из неукоснительных доказательств приведу следующее письмо:

«Мы своими глазами видели отравленную ладанку в одном из местечек нашего вассальства. Одна прокаженная бросила на землю котомку, которую тотчас же отнесли в суд. В ней нашли голову ящерицы, лапы жабы и что-то вроде женских волос, вымазанных черной вонючей жидкостью. Страшно было разглядывать и нюхать это. Когда сверток бросили в пламя, он не загорелся: ясное доказательство то-

го, что это был сильный яд и что демоны имели к этому отношение».

Далее, некий Жером де Партенэ написал королю, что один «важный прокаженный», схваченный в своем поместье, признался, что какой-то богатый еврей дал ему денег и некоторые снадобья. Они состояли из человеческой крови и мочи с примесью тела Христова. Эту смесь сушили и измельчали в порошок, зашивали в ладанки с тяжестью и бросали в источники и колодцы, а потом люди болели и умирали».

Разумеется, когда вести дошли до короля, был издан новый закон, и в некоторых провинциях прокаженных массово подвергали сожжению, даже не рассматривая возможности поместить их в лепрозорий. Люди учиняли самосуд. Страх и помешательство стали всеобщими. Подобной участи не миновал и лепрозорий Сен-Круот. Моргану чудом удалось спастись. Вновь потеряв семью, он отправился куда глаза глядят.

Поразительно, как жестоки могут быть люди, если действуют на благо общества. Оправдывающая идеология, страх за собственную шкуру и наличие единомышленников превращают благочестивых горожан в кровожадных монстров. От монастыря Сен-Круот не осталось и следа, а в воздухе все ещё витали возгласы: «Quaranta! Quaranta giorni!»²¹

²¹ Первоначально слово «карантин» означало «время, из сорока дней состоя-

Похожая участь не миновала и другого человека, рискнувшего отличиться от других. Отто Закса.

– Я с тобой, – сказала Зелда Закс, в девичестве Мюллер, жена пьянчужки Генриха Закса и мать Отто.

– Мне страшно.

– Смех спасет тебя, – Зелда поправила бубенчики на шутковском колпаке сына и обняла его в последний раз.

В те темные смутные времена худшее, что можно было сделать – отличиться. Чтобы избавить город от безумцев, городские власти собирали их вместе, сажали на корабль и отправляли в плавание. Отто Закс, уроженец Нюрнберга, опередивший свое время и полный безудержного энтузиазма изменить мир, несомненно был безумен. Ему нахлобучили на голову колпак и навсегда освободили от ответственности за свои слова. А говорил он много (и слова ему нашептывали голоса): что все мы рождены рабами и даже рабовладельцы – и те рабы. Говорил, что Мария приходила к нему и сказала, что это мужчина был создан из ребра женщины. Говорил, что налоги не для людей, а для королей! А крысы –

щее» (*итал.* quaranta giorni – «сорок дней»). Оно было впервые использовано в XIV веке в Венеции для отсрочки входа в порт кораблей, прибывающих из других стран. Именно на такой срок все судна должны были встать на якорь на некотором расстоянии от берега перед тем, как они смогут разгрузиться.

это маленькие коты, такие же наглые и усатые.

Город такого не стерпел.

Отто Закс был отправлен в путь без конца и края, на безумном корабле, бороздящем тихие воды притоков Рейна и фламандских каналов. Корабль увозил неугодных из города, спасал горожан от нашествия злых духов. Считалось, что вода исцеляет душевные болезни, причиной которых, несомненно, являлись демоны.

Безумцы были заперты на борту. Вечные узники в тюрьме, побег из которой невозможен. Отныне они находились во власти реки с тысячью её рукавов, моря с тысячью его путей, во власти стихии. Не было у них ни правды, ни родины – лишь бесконечные просторы, пролегающие между двумя случайными берегами.

На корабле этом, названном Narrenschiff – Корабль дураков, – томилось на медленном огне не менее 130 человек! Смерть неспешно наслаждалась сытным ужином, растянутым на долгие годы, пока они чистили трюм, натягивали паруса и чинили мачту. Пока они думали, что держатся на плаву.

Со временем Отто разглядел робкую красоту, скрывающуюся за толстой кожей. Лица прокаженных перестали казаться ему безобразными, он привык просыпаться и засыпать под звон колокольчиков, смирился с внезапными приступами тошноты и даже научился предсказывать погоду в зависимости от того, с какой стороны у него пульсируют

виски.

Рутина приняла его в свои объятия и спасла от отчаяния.

И тогда с ним заговорил Старый Чи.

Никто из ныне живущих не знал его настоящего имени и не знал, сколько же ему лет. Он любил загадки, обрывал предложение на середине, а иногда менял местами буквы в словах. Мысли все равно разбегаются при попытке облечь их в слово, так что какая разница. Буквам и звукам не угнаться за образами.

При знакомстве с новым человеком он говорил:

– ...Я побывал во всем мире, а также за его пределами, в мирах иных. Истинное имя моё – Гермес Трисмегист²². В последней моей обители именуют меня Чипатиак, и на Земле этой брожу я в поисках истины три с половиной тысячи лет.

Разумеется, старому оборванцу никто не верил. Опасности для общественности он не представлял, потому никто его и не трогал. До того момента, как взбрело ему в голову наполнять юные умы пустым бредом о взаимосвязи всего живого и существовании лишь одной власти на Земле – власти науки.

Старый Чи дружил с Абелардом Краусом, в прошлом учителем диалектики, а ныне деканом медицинского факультета

²² Основоположник «герметической философии», мистическое учение о «высших силах природы», доктрина алхимиков в средневековой Европе.

та Высшей Школы. Однажды он порекомендовал Абеларду удивительный сбор, от которого чудом прошла многолетняя мучительная подагра. С той поры и началась их дружба, и потому Абелард позволил Старому Чи собирать студентов после занятий и делиться с ними своими познаниями. Но старику было мало наградить юные жаждущие умы лишь медицинскими знаниями, он желал изменить их мировосприятие!

– То, что внутри – то и снаружи, – сказал Старый Чи, – большое – отражение малого.

И ушел.

Отто не решался подойти к старику несколько дней.

– Я хотел бы понять, – наконец сказал он.

– Тогда добро пожаловать. Я наблюдал за тобой и не ошибся. Все рождаются и умирают дураками. Нам повезло об этом узнать. Быть дураком – это благословение! Чем больше знаешь – тем меньше знаешь, – улыбнулся старик.

Старый Чи всегда знал, где его найти, и появлялся именно тогда, когда лицо Отто покрывалось испариной, сердце бешено колотилось, а один из приятелей казался удивительно похожим на палача из его родного городка. Тогда он прикладывал к его лбу компресс из лопушняка и рассказывал о том, что человек – ничто, способное стать всем. Человек – не завершен, лишь во взаимодействии с миром он узнает своё настоящее лицо.

И страх Отто отступал, а голоса, звучавшие в его голове

с самого рождения, затихали.

Старый Чи всегда был рядом, когда Отто в нем нуждался, и Отто стал его верным учеником. Отто не верил, что их свели слепые обстоятельства. Он знал, что эта встреча не случайна, и им предстоит изменить мир.

Отто Закс уделял медитации минимум четыре часа в сутки, из-за чего стал пользоваться славой дурака среди дураков. Порой, пока Отто медитировал, иные весельчаки подкрадывались к нему сзади и выливали миску с отходами за шиворот.

Отто не реагировал.

Все его усилия сейчас были направлены на достижение «осознанного пребывания в текущем моменте». Он не собирался отвлекаться на надоедливое эхо своего эго.

Не далее как вчера с Отто приключилась невероятная история: он вдруг почувствовал жжение на своих руках, настолько сильное, что оно мешало ему сосредоточиться, и тогда, сдернув с себя рубаху, Отто обнаружил, что руки его покрылись надписями.

Голоса в его голове звучали все тише. Теперь они переместились под кожу. Кто-то вывел несмыслимыми чернилами то, о чем Отто должен был помнить.

Ему предстояло спасти весь мир. Спасти людей от боли. От болезней. От страха.

Будучи в полной растерянности, он уж думал было направиться к своему другу и наставнику, но прежде решил

ещё раз прочесть написанное.

Надпись гласила:

«Плавание не продлится вечно. Корабль пойдет ко дну. Многих заберет с собой морская пена, но те, кто выживут – разрушат проклятье. Станут свободными, если сумеют отличить свободу от рабства».

Жжение проходило, надпись потускнела, но ее все еще можно было без труда разобрать. Стоит ли рассказывать об этом наставнику?

Отто и не знал, что думать о Старом Чи. С одной стороны, он был восхищен мудростью старика, с другой – здравый рассудок не позволял ему безоговорочно поверить в историю Чипатиака. Ведь он утверждал, что живет на этом свете, по меньшей мере, одиннадцать веков!

Будучи семилетним ребенком, Чипатиак упал с дерева и разбил себе голову, да так сильно, что чуть не испустил дух. Ни один лекарь не гарантировал, что он выживет, пока случай не привел в их дом странствующего шамана. Приказав всем убраться, он закатал рукава своей длинной рубахи и сунул себе в уши высушенные комочки глины:

– Чтоб не мешали крики.

Приложив флягу к губам ребенка, старый шаман улыбнулся и произнес:

– Не бойся, я всего лишь уберу лишнее. А если повезет – достану камень глупости из твоей головы и навечно лишу тебя этой благостной обузы.

С первым глотком выключился свет. Со вторым – звук. Не осталось ничего, кроме тишины. Много позже мальчик поймет, что шаман дал ему выпить макового молока и проявил, таким образом, необычайное милосердие.

Старый шаман достал бритву, обрил голову ребенка, извлек из-за пазухи молоток и бутылочку со снадобьем. Посыпал голову мальчика порошком из пепла и зеленой плесени и приступил к процедуре. Достав острый нож из своего огромного кармана, он раскалил его добела и нанес первый разрез. Преодолев преграду из мягких тканей и, наконец, добравшись до костей черепа, он поднес молоток к голове ребенка и ударил.

– Окно в мир готово! – довольно произнес шаман.

Зашив рану, вновь посыпал голову мальчика порошком, полил еще какой-то клейкой жидкостью, а затем стал произносить молитвы и плясать вокруг.

– Мое имя – Чипатиак, – сказал старый шаман, – запомни его.

Когда ребенок наконец проснулся, оказалось, что прошло четыре дня.

Вскочив с кровати, он сразу же потрогал голову и, к своему огромному удивлению, не обнаружил шрама.

– А где же шаман? – спросил он.

– Арно! Милый мой! – воскликнула испуганно его бедная матушка. – Здесь не было никаких шаманов! Ты упал с дерева и уснул на долгих четыре дня!

Повисло долгое молчание, по истечении которого маленький Арно уж чересчур серьезно для своего возраста сказал: – С сего дня именуайте меня Чипатиак!

А вечером, перед самым сном, он обнаружил у изголовья кровати уродливый черный камень.

«Камень глупости! – понял он. – Значит... это все... правда!»

Вот что рассказал о себе Старый Чи.

Шли дни, и Отто менялся.

Он знал, что шиповник полезен для здоровья, исходя из своих же наблюдений, – ведь Старый Чи взял с собой в плаванье не так уж много вещей, но не забыл шиповник – «волшебную ягоду», как он ее называл. Каждый день старик угощал Отто ягодным отваром. Остальные боролись с ужасной болезнью, посетившей их корабль, – у них выпадали волосы и зубы, болели ноги и руки, накатывала постоянная слабость. Отто не знал, как действует шиповник, не понимал, почему он спасает от таинственной болезни, но видел результат. Так было и со всем остальным. Он не знал, как работает медитация. Не знал законов, по которым существует Вселенная. Не мог поверить, что Старый Чи живет не одну сотню лет, но видел его. Чувствовал, что потолок, в который упирался его взгляд на вещи, стал куда выше. Чувствовал, что Чипатиак не лжет. А если и лжет – то не ведает об этом, а значит – не лжет.

И вот однажды корабль зашел в один из портовых го-

родов, чтоб собрать новых обитателей и увезти их. Места было предостаточно, ведь кто-то постоянно умирал, и трупы скидывались за борт.

Отто подумывал о побеге, несмотря на то что беглецов ожидала виселица. Но Старый Чи сказал, что еще не время, и Отто не посмел послушаться.

– Скоро, – чуть позже добавил старик, – скоро состоится судьбоносная встреча!

И в этот же день среди новопривывших на корабле оказался Морган Лафар, которого нашел на обочине дороги добрый человек. Он как раз загонял домой отару овец и взял паренька, в надежде, что тот окажется неплохим помощником. Когда Морган очнулся, он не смог вымолвить ни слова. Немой в доме – это к беде! Жена пастуха решила, что это козни дьявола, и сообщила куда положено.

Моргану повезло! Именно в этот в городской порт зашел корабль дураков.

Морган не сопротивлялся, ему было все равно. Он все еще не мог оправиться от незаслуженной жестокости, которую мир постоянно проявлял к нему.

Оказавшись на корабле, он забился в самый дальний угол. Там его и нашел Старый Чи.

Он сел рядом и тихо произнес по-французски: «Добро пожаловать, сынок. Я тебя ждал», Морган Лафар расплакался как ребенок, и старик его обнял.

Моргана невзлюбили на корабле с самого начала. Отверг-

нутый среди отвергнутых. Не прошло и недели, как четверо мужчин попытались выбросить его за борт, прямоком в беснующееся нутро Северного моря. Их болезнь не отступала. Их раскрасневшие от гнева одутловатые лица с темными кругами под глазами кривились в болезненной гримасе.

– Ты несешь за собой смерть! – кричали они. – Ты притащил в своих волосах крысу! Это дурное предзнаменование!

Единственная кошка на корабле по имени Тина встала на защиту Моргана и шипела на всех, кто пытался приблизиться.

– Мы не боимся этого дьявольского создания!

Но они боялись.

Тина последовала за Амальдой – старой ведьмой, которой удалось избежать сожжения благодаря любовному отвару (она замутила воду в городском колодце и благополучно удрала). Тина пережила кошачью инквизицию по счастливой случайности, в отличие от всех её уличных подруг, подвергшихся публичному повешению «за то, что якшались с ведьмами». Глухой кошачий палач по кличке Кулун, с маленькими пухлыми ручками и в зеленом колпаке, украшенном цветными лентами, каждый вторник сбрасывал кошек со штурмовой башни. А по четвергам свозил в замок с привидениями и ошпаривал кипятком, чтоб изгнать демонов. Домой шел через злаковое поле, пораженное спорыньей²³, а духи летели

²³ Род грибов, паразитирующих на некоторых видах злаков. При отравлении алкалоидами спорыньи возникают галлюцинации. В 1938 году из производных

за ним, призывая ужесточить кошачью казнь.

Тина вывихнула лапку при приземлении, но осталась жива. Счастливый вторник! Так они и встретились с Амальдой – травницей, живущей в лесу.

– Это должно помочь унять вашу боль! – Амальда протянула флягу с маковым молоком группе недовольных. – Оставьте его, он еще дитя.

– Мне не нужна ваша помощь! – прокричал Морган прямо Амальде в лицо, но порыв его гнева смягчила ладонь Чипатиака. Она же и увела Амальду в трюм.

– Вскоре наше путешествие наконец начнется, – сказал Чипатиак и протянул знахарке флакончик с кристаллами соли, – теперь ты одна из нас. Дважды в день отсыпай с мизинец и глотай, не обращая внимания на горечь. Воду не пей, потеряешь рассудок. Будем обходиться рыбьей кровью. Ничего не ешь.

– Выполни мою просьбу, и я стану тебе верным другом, – Амальда улыбнулась, обнажив мятые десны. – Никто не знает лучше меня, что напиток из чайного гриба изгоняет камни из почек и очищает разум, а целительная зеленая плесень хорошо растет на кукурузных початках. – Когда она говорила, вместе с ней говорило все тело. Она выпадала вперед, пританцовывала бедрами и размахивала руками. Её пальцы пережимали многочисленные золотые кольца.

– Тот, кто думает, что знает, – ничего не знает, – Чипа-

тиак достал из кармана плаща деревянную шкатулку, сел на мешок с картошкой и жестом пригласил Амальду сесть рядом. – Сыграй со мной в го. Ты ведь умеешь.

Амальда не стала спрашивать, откуда он знал. Может, её давнишнее проживание в «женском доме» выдало клеймо на левой щеке, которое она пыталась скрыть шрамом, опалив лицо горячей золой. А может, он и вправду ясновидящий?

Амальде было восемнадцать, когда она оказалась между молотом и наковальней.

Хозяйка «женского дома» – фрау Блот, дочь знаменитого торговца шелком Томаса Блота, привнесшего в их семью культуру игры в го, диковинный вкус дыни и бокалы из самаркандского стекла. Мать фрау Блот – повитуха по имени Ба-ба, которая нашла свое дитя у реки после десяти лет бесплодных попыток и сотни принятых родов.

Жизнь в «переулке роз» у самой городской стены была ключом. Ворота было приказано открывать в четыре часа пополудни и закрывать утром в девять. В канун воскресенья, а также во время всех постов – учреждение не работало. Нарушителей ожидало изгнание из города. Если все соблюдали правила – в доме царил порядок. Деньги, заработанные днем, доставались девушке, ночной заработок делился с хозяйкой. Покрывала и украшения иногда оставались в подарок. Было запрещено выходить из дома, а также сидеть на пороге и даже выглядывать из окон! До наступ-

ления заката горожанам не нравится встречаться со своими желаниями.

Локоны требовалось остричь, голову – покрывать накидкой или носить желтый чепец (цвет продажной любви).

Фрау Блот – хозяйка борделя, женщина исполинских размеров, низкого голоса и умения давать такие хлесткие пощечины, что ни один пьянчужка не осмеливался с ней связаться, – была добропорядочной горожанкой. Она исправно платила пошлину казне и даже единственному духовному учреждению в их маленьком городке! А когда давала магистрату клятву: «быть верной городу и честной перед ним», пошел дождь, и хлеба в этот год возросли, и воздух был свеж и чист.

Законный супруг фрау Блот – Якоб Витцман, картежник, вояка (мастер пьяных ссор с друзьями, дрожащий от кулака своей жены) и управитель уличного театра кукол. Супружество их не раз было предметом городской молвы. Во-первых, в связи с разницей в росте – при всем старании Якоб не дотягивался до губ супруги без маленького стульчика, особенно, если на ней были любимые деревянные колодки. Во-вторых, из-за горячего темперамента у обоих – Якоба то и дело заставляли с какой-нибудь барышней, и весь город молился, чтоб её не нашли в канаве с проломленным черепом.

Амальда была любимицей фрау Блот. Ей было позволено даже откладывать кое-какие сбережения, в надежде одна-

жды уйти в монастырь, чтоб реабилитировать свое доброе имя.

Но это до того момента, как Якоб Витцман заметил, что у Амальды глаза зеленые, как у кошки, и не забрался ночью в окно её комнатушки, чтобы проверить, блестят ли они в темноте. Амальда не узнала супруга ффрау Блот, поскольку видела его всего однажды.

– Нечего тебе тут крутиться, на товар глядеть, попортишь только, – ворчала ффрау Блот.

И вообще-то была права.

Следующим же утром она все узнала (по характерному запаху жасмина), выжгла на лице своей любимицы лилию и приковала её к позорному столбу на радость черни!

Люди думали, что Амальда приняла посетителя в воскресенье, и набожные горожане не простили ей такое кощунство!

Так Амальда была изгнана из города. С тех пор она ни разу не играла в го.

С тех пор ей ни разу не удалось заснуть до наступления рассвета. Её мучили кошмары.

Чипатиак выложил несколько камней на доску и протянул Амальде чашу с черными.

– Мне не нужно преимущество, – Амальда гневно вскинула руки, – прошу вас!

– Мальчик притащил в волосах крысу. Это дурное предзнаменование. Смерть близко. Ваш ход.

Амальда смотрела на игральную доску, на бесконечное пересечение линий и вариантов и думала о том, что случайностей не бывает и камни должны иметь хотя бы одно дамэ. Точку свободы. Хотя бы один незанятый по вертикали или горизонтали пункт. Если это группа камней – правила те же. Но если камни соперника окружают со всех сторон – дышать нечем. Самоубийства запрещены, последнюю точку свободы нельзя утратить добровольно. Это игра – про абсолютную власть. Амальда чувствовала это и знала, что, несмотря на фору, проиграет.

«Тронул – ходи, отнял руку – ход сделан».

Ещё до того, как Тина приблизилась к Моргану, неслышно ступая своими мягкими лапами, Чипатиак уже знал, какая роль в этой игре уготована Амальде.

– Вы и впрямь ясновидящий, – скорее констатировала, чем спросила знахарка.

– Что у тебя за просьба?

– Вы уже знаете, – Амальда посмотрела Чипатиаку в глаза. Ясный взгляд не мерк под давлением назревающей катаракты.

– Всё же?

– Я бы хотела, – Амальда снизила голос до шепота, – чтоб вы удалили камень глупости у меня из головы. Меня мучает бессонница уже долгие годы.

И тогда Чипатиак рассмеялся.

– Твой камень глупости не в голове, – сказал он, – а в серд-

це. Ты умрешь от потери крови, даже если я залью в твои вены пять литров кокосового молока.

Так началась их дружба.

Чипатиак был прав.

Корабль дураков шел ко дну. Но чем невыносимей становился смрад от разлагающихся тел, чем громче польхал кашель, как вспышки случайного пламени то тут то там, чем прозрачнее становились обитатели судна, тем фанатичнее Чипатиак убеждал своих единомышленников, что спасение близко.

В день, когда самоизбранный капитан (усатый громила, вечно дымящий трубку) созвал всех на палубу, случилось кое-что странное. Голосованием было решено выбросить трупы за борт, потому что полчища мух мешали разглядеть, какое нынче настроение у неба. Капитан махнул рукой в знак того, что самое время начинать, но поскользнулся на чьих-то испражнениях и сгинул в морской пучине, так и не успев выпустить изо рта дым, который набрал.

Прежде чем волна паники захлестнула корабль, раздался оглушительный звук. Морган набрал в легкие побольше воздуха, как учил его Отто Закс во время ежедневных медитаций, и испустил то ли вздох, то ли стон, который, столкнувшись с соленым морским воздухом, превратился в вопль. Когда все зрячие уставились на него в немом ожидании, Морган сказал:

– Я оказался тем, кто принес на этот корабль смерть,

и я окажусь тем, кто вас освободит.

Тина запрыгнула к нему на плечо, заставив отпрянуть несколько человек, и расцарапала кожу.

Ответом ему было гробовое молчание, изредка прерываемое смехом.

Наконец кто-то произнес:

– Этот корабль – и есть смерть.

Тем же вечером Чипатиак углубил царапины на плече Моргана раскаленным ножом и наложил повязку с зеленой плесенью.

– Придет время, и я оставлю тебя, – сказал он, – я верю в тебя, мой мальчик, ты сможешь разрушить проклятье... Тогда я завершу все свои дела на этой грешной земле. Я слишком давно живу и успел наделать глупостей. Ты сможешь разрушить моё проклятье. Я верю...

– Я не понимаю... – начал Морган, но Чипатиак уже исчез.

Когда рана зажила, начался шторм.

Ураганный ветер сметал все, что попадалось у него на пути.

Чипатиак открыл свою тайну – сегодня он испустит последний вздох. У него закончились жизненные силы.

Чипатиак заставил Моргана снова поверить людям. Уберег гаснущее пламя его человечности от полного затухания. И теперь он уходит? Все уходит. Люди рождаются и умирают в одиночестве. Во время шторма. На проклятом ко-

рабле. Глядя в зеленые глаза старой знахарки. Едва научившись медитировать. Радоваться тому, что солнце не устает восходить каждое утро. Чувствовать, что мир вокруг – не мир внутри. Привыкнуть к смерти, разложению, постоянному голоду – и все-таки верить ясновидящему шаману. Знать, что все не бессмысленно.

И так глупо умереть, покорившись морю.

Все бессмысленно. Бессмысленно. Его снова бросают...

– *Отто и Амальда помогут тебе, мальчик, – Чипатиак обнял Моргана и протянул ему флакончик с кристаллами соли, – не забывай о гигиене тела и духа.*

Порыв ветра снес обоих с ног. Морган едва успел ухватиться за деревянный поручень на палубе.

Со слов Чипатиака, сказанных Отто Заксу перед смертью, доподлинно известно, что скорость ураганного ветра превышала 120 миль в час. Гигантские волны топили небо. Вода заливала глаза, ветер оглушал, сушил слезы ещё до того, как они успевали пролиться.

Кораблем никто не управлял. Хиленькое судно, отправленное в вечное плавание, было обречено. Смерть наступала на пятки.

Морган попытался дотянуться до румпеля, повернуть руль. Не важно, в какую сторону, важно было хоть что-нибудь предпринять, но у него не хватило сил. Бесполезно было сопротивляться. Корабль дураков никогда не должен был существовать. Живые не цеплялись за мертвых, они пыта-

лись спасти самих себя.

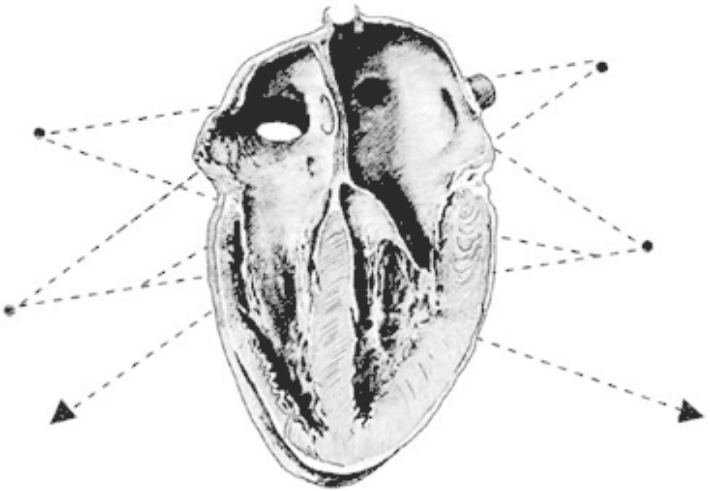
Не оставалось ничего другого, кроме как отдаться на волю провиденья.

На секунду мир исчез.

Корабль со страшным треском развалился надвое и выплюнул тела на берег, как кит выбрасывает излишки воды и воздуха, освобождая легкие.

Так Морган оказался на острове свободы.

Глава 6

45-й день года в григорианском календаре и 14-й в феврале. Полевой врач по имени Валентин тайно обвенчал двух возлюбленных, за что был приговорен к смерти черт знает сколько веков назад. А теперь весь мир сходит с ума, выпускает больше розовых сердечек, чем таблеток аспирина в год.

Если у тебя нет пары – сиди дома и не выглядывай из окна. Обязательно нарвешься на чей-нибудь сладкий поцелуй. Цветы стоят втрдиорога, с шариками ходят все кому не лень, а в единственном кинотеатре в нашем городе нет мест с самого утра. Не то чтобы я хожу в кино каждый день – но я

хочу иметь такую возможность. Даже возле ларька с шаурмой – очередь на полквартила, все норовят угостить подружек праздничным лавашем и незаметно подсунуть стеклянную бутылочку какой-нибудь бурды с водкой, соком и энергетиком. В школе праздничный бал с пафосным названием «Ищу тебя», пуншем на основе яблочного сока, бесконечным множеством прыщей и гормональных шуток, собранных в одной комнате. Поэтому я и пошла в «Отвертку». Жук объявил о единственной в городе «Single party» – вечеринке для одиночек. Нельзя ни с кем заговаривать и обмениваться контактами.

Мама спросила у меня с утра, как там мои ухажеры.

Подарила розовый блеск для губ. Совершенно уродливый. Я понимаю, что ей хотелось меня порадовать. Но может быть, она обманывает себя? Она бы хотела этого хотеть, но ещё больше она бы хотела, чтоб нас не было. Меня и папы.

Меня с моими вечными сомнениями, неумением включить газовую колонку, страхом, что у меня снова заведутся вши, и презрением ко всему, что я не понимаю.

Папы с его огромными руками, циррозной печенью и раздолбанным автомобилем, с которым он разговаривает больше, чем с мамой. Уж точно больше, чем со мной. Она бы хотела быть хорошей матерью, знать, что мне нужно. Но она не знает. Поэтому она подарила мне уродливый блеск для губ.

А секрет-то прост.

Ничего не выходит делать хорошо, если ты несчастлив.

А она несчастлива. Странно. Как-то я зашла в книжный магазин, ради этих книг в оранжевой обложке, альтернативная проза. Полистала несколько бумажных переплетов. И ушла. Мне попало слово «кактус», мне не хотелось читать про кактус, вообще ничего не хотелось. Но мама говорила, что кактусы спасают от компьютерного излучения. И ещё мне нравится это ощущение, когда колючки остаются в пальцах. Живые занозы. И я купила кактус. За ним не нужно ухаживать, он может выжить в пустыне. Но в моей комнате (9 на 9 метров, живые стены, исписанные и исколотые кнопками) не выжил. Мой кактус заболел. И тогда я поняла, что он тоже несчастлив. Но так ведь было не всегда. Никто не рождается старым, ворчливым и пессимистичным, кроме Бенджамина Баттона²⁴

²⁴ Произведение Ф. С. Фицджеральда о человеке, который родился старым и постепенно молодеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.